

БЕН КЕЙН

ДОРОГА В РИМ

Если существует книга, о которой можно сказать:
«Вот бы она не заканчивалась никогда!» — то она перед вами.

speeshreads.com

The Big Book. Исторический роман

Бен Кейн

Дорога в Рим

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Кейн Б.

Дорога в Рим / Б. Кейн — «Азбука-Аттикус», 2010 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21642-6

Забытый легион разбит в жестокой схватке. Его солдаты Ромул и Тарквиний волею случая оказываются в Александрии, насильно завербованные в Цезарево войско. Жизнь не баловала Ромула: незаконнорожденный сын знатного римлянина, в детстве он был продан в рабство и разлучен с сестрой-близнецом, после бежал и прошел немало яростных сражений на дальних рубежах Империи. Но теперь ему благоволит сам великий Цезарь, и юноша предан ему, не догадываясь, насколько тесно связаны их судьбы... Сестра-близнец Ромула Фабиола, пылая жаждой мести, подчинила жизнь одному стремлению – убить Цезаря. Она добилась освобождения из лупанария, очаровав влиятельного Брута, и теперь близка к своей цели, как никогда. В Александрии Фабиола на мгновение встречается с давно пропавшим братом, о котором все эти годы она неустанно возносила молитвы богам, – чтобы вновь разлучиться. Но все дороги приводят в Рим, и именно здесь сойдутся в решающий миг жизненные пути героев, в руках которых внезапно окажутся не только их собственные судьбы, но и судьба Республики.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21642-6

© Кейн Б., 2010

© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Глава I	8
Глава II	17
Глава III	27
Глава IV	37
Глава V	48
Глава VI	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Бен Кейн

Дорога в Рим

*Кирану и Хелен Кейн, моим замечательным родителям, с любовью
и благодарностью*

Ben Kane
THE ROAD TO ROME

Copyright © Ben Kane, 2010

First published as THE ROAD TO ROME in 2010 by Preface Publishing, an imprint of Cornerstone. Cornerstone is part of the Penguin Random House group of companies.

All rights reserved

© И. В. Майгурова, перевод, 2012

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава I

Египет

Александрия, зима 48 г. до н. э.

– Скорее, будьте вы прокляты! – рычал оптион¹, лупя легионеров по спинам развернутым плашмя мечом. – Цезарь ждет!

Подгонять, впрочем, и не требовалось. Десять воинов, высланных в ночной дозор на Гептастадион – узкую рукотворную дамбу, которая соединяла пристани с островом посередине гавани, – были теперь окружены водой и отрезаны от всех. Добра такая позиция никак не сулила.

Желтый свет Фароса, огромного Александрийского маяка, терялся в пламени горящих у причала кораблей. Пущенный людьми Цезаря огонь мгновенно охватил суда и перекинулся на береговые постройки и здания библиотеки, от зарева стало светло, как днем. Многотысячная египетская армия, в которую успели влиться оттесненные было отряды, готовилась атаковать войско Цезаря, замершее в сотне шагов от Гептастадиона – естественного защитного рубежа.

Ромул с Тарквинием пустились бегом вместе с легионерами: если египетские полчища обрушатся на римлян – всем грозит гибель, и даже отбросить первую атаку не значит выжить. Египтяне превосходят их числом, весь город кишит врагами, и надежного пути к отступлению нет: дамба ведет к одинокому острову. Вся надежда на римские корабли, хотя забраться на них под натиском подступающего противника – задача не из легких.

Нахмурившись, Ромул с тоской взглянул на только что отчалившую трирему – она направлялась к выходу из западной гавани, неся на борту Фабиолу, его сестру-близнеца. После девяти лет разлуки им довелось увидеться лишь на миг; Фабиола уплывала, ища спасения от опасности. Ромул, бессильный ее остановить, все же не чувствовал горечи и радовался тому, что она жива и ей ничто не грозит. Он надеялся, что Митра донес до нее последний выкрик – «Двадцать восьмой легион!» – и что сестра, о которой он так долго возносил молитвы богам, сумеет его отыскать.

Однако теперь – как и частенько прежде – юноше предстояло биться за свою жизнь.

Насильно завербованные в легион, они с Тарквинием стали частью Цезарева войска под Александрией – войска, которому сейчас грозил близкий разгром. Впрочем, даже в такой опасности Ромулу было чем утешаться: если Элизия не миновать, он войдет в него не рабом, не гладиатором, не наемником и не пленным.

Юноша расправил плечи. Ну уж нет. Он теперь римский легионер, хозяин своей судьбы, и Тарквиний ему не указчик. Всего час назад светловолосый друг поведал ему, что в убийстве, заставившем Ромула бежать из Рима, повинен он, Тарквиний. Ромула до сих пор трясло; от одурающего водоворота, в котором бурлили неверие, горечь и гнев, кружилась голова – однако сейчас было не время думать о прошлом.

Запыхавшиеся легионеры его отряда уже вливались в задние шеренги римского войска, выстроенного всего в шесть рядов; совсем близко слышались командные окрики, бряцание оружия и вопли раненых. Оптион о чем-то советовался с ближайшим командиром, явно нервничающим тессерарием, – помимо шлема с поперечным гребнем и чешуйчатого панциря, как у оптиона, того отличал длинный жезл, которым он удерживал легионеров в строю. Пока он с такими же низшими командирами оставался сзади и следил, чтобы никто не обратился в бегство, центурионы держались ближе к передним рядам: в отчаянных битвах, подобных нынешней, выслужившиеся из солдат ветераны укрепляли решимость всего легиона.

¹ Латинские названия и термины см. в глоссарии в конце книги. (Здесь и далее примеч. перев.)

Чуть погода оптион повернулся к своим:

– Наша когорта – здесь.

– Вот счастье-то, – буркнул кто-то из солдат. – Ровнехонько в середине строя.

Оптион, словно в знак подтверждения, хмуро усмехнулся – основные потери и впрямь придутся на эту часть войска.

– До сих пор вам везло, скажите спасибо, – отрезал он. – Вливаемся в центурию! Строиться в две шеренги!

Легионеры с ропотом подчинились.

Ромул, Тарквиний и четверо их товарищей оказались в переднем из двух рядов – обычная судьба новобранцев. Ромул, чуть ли не самый высокий в войске, оглядел местность: поверх конских хвостов, украшающих круглые бронзовые шлемы, в воздухе мелькали вознесенные к небу штандарты центурий, над правым флангом парил серебряный орел – знак легиона, призванный поднимать боевой дух. При виде этого римского символа, к которому юноша успел проникнуться любовью, сердце забилося сильнее: орел, как ничто другое, помогал Ромулу помнить, что он римлянин. Величественной и гордой птице, парящей в выси, не было дела до сословий – на поле битвы ценились лишь смелость и боевая отвага.

Дальше, за орлом, колыхалось море оскаленных лиц и сияющего оружия, гигантскими волнами подступающее к легионам.

– У них в руках skutумы! – в замешательстве воскликнул Ромул. – На нас идут римляне?

– Бывшие, – бросил сосед слева. – Переметнулись к местным.

– Значит, люди Габиния, – предположил Тарквиний.

Собеседник лишь кивнул в ответ. На Тарквиния устремились любопытные взоры, особенно от стоящих слева: длительная пытка, которой подверг его Вахрам, примпил Забытого легиона, оставила на щеке гаруспика ярко-алый шрам в форме ножевого лезвия.

Благодаря Тарквинию Ромул уже знал историю Птолемея XII – отца нынешних правителей Египта, низложенного больше десяти лет назад. Птолемей, в отчаянии взывая к Риму, сулил горы золота тому, кто вернет ему трон, и сирийский проконсул Габиний не упустил случая. Ромул, его галльский друг Бренн и Тарквиний тогда служили в армии Красса.

– Точно, – процедил легионер. – Сам-то Габиний с позором уполз в Рим, а эти остались.

– Сколько их? – спросил Ромул.

– Несколько тысяч. А уж помощников поди сосчитай – нубийские застрельщики, иудейские наемники, критские прашники и лучники... Мало не покажется.

– Еще и пехота, – добавил другой голос. – Беглые рабы из наших провинций.

Его слова отозвались в рядах гневным ропотом.

Ромул бросил взгляд на гаруспика. Никто не должен знать правду, особенно о Ромуле: рабам в регулярной армии не место, вступление в ряды легионеров (к которому Ромула так настойчиво вынудили) каралось смертью.

– Куда этим шлюхиным детям против нас! – заявил первый легионер. – Вытрясем из них семь сортов дерьма!

Бравада пришлась по вкусу, воины заушмылялись.

Ромул еле удержал язык за зубами. Соратники Спартака, все поголовно рабы, не раз одерживали верх над римским войском, да и сам он стоял трех обычных легионеров. Александрийские рабы, защищающие свою новую родину, тоже могут оказаться сильным противником. Только вот заявлять об этом лучше бы не здесь и не сейчас. Впрочем, с горечью подумал юноша, время для таких разговоров вряд ли наступит...

С оружием наготове легионеры ждали, прислушиваясь к подступающему шуму битвы. Вражеские дротики и камни летели в римский строй, сбивая воинов с ног; Тарквинию с Ромулом, за неимением щитов, оставалось лишь припадать к земле и молиться, чтобы свистящая в воздухе смерть их миновала. Уверенности от этого не прибавлялось. Правда, число убитых –

а значит, и свободных доспехов – все росло, и, когда в переднем ряду крепкий солдат рухнул, пронзенный копьем в шею, Ромул тут же без особой брезгливости стянул с него шлем. Живым защита нужнее. Даже пропитанный потом войлочный подшлемник, нахлобученный в первую очередь, показался юноше чуть ли не броней. Скutum убитого достался Тарквинию; еще одного щита – для Ромула – ждать пришлось недолго.

Опцион одобрительно крикнул: у этих бродяг не только хорошее оружие, но и полезные в бою навыки.

– Вот теперь будет спокойнее, – заметил Ромул, поднимая длинный овальный щит за поперечную ручку. В полном вооружении они не бились уже давно – с тех пор, как четыре года назад отгремел последний бой Забытого легиона. Вспомнив гибель Бренна, который тогда прикрывал их с Тарквинием бегство, Ромул нахмурился и виновато притих.

– Воевать приходилось? – спросил легионер.

Ответить юноша не успел – в спину уперся умбон щита.

– Вперед! – взревел опцион, тесня легионеров в сторону врага. – Первая шеренга слабеет!

Дюжина гладиусов – коротких римских мечей – с готовностью вскинулись вперед, щиты поднялись, загораживая бойцов так, что виднелись лишь сверкающие глаза в прорезях шлемов. В сомкнутом строю каждый защищал остальных: Тарквиний у правого плеча и разговорчивый легионер у левого прикрывали Ромула, он в свою очередь прикрывал их обоих, – потому-то стена из щитов и была так надежна. При всей злости на Тарквиния Ромул был уверен, что гаруспик не станет пренебрегать долгом.

Только сейчас Ромул заметил, как поредел римский строй. Солдат впереди вдруг рухнул на колени, и в образовавшийся просвет с боевым кличем прыгнул вражеский воин, застав юношу врасплох. Весь доспех противника состоял лишь из грубоотканой туники и фригийского шлема с закругленной макушкой, из оружия при нем был овальный щит с продольным ребром и ромфайя – странной формы меч с длинным изогнутым клинком. Фракийский пельтаст, с ужасом понял Ромул.

Не раздумывая, он прыгнул вперед, целя умбоном щита в лицо фракийцу; тот отбил атаку своим щитом, и несколько мгновений они обменивались ударами, пытаясь выиграть преимущество, – тщетно. Ромул тут же зауважал изогнутый фракийский меч, способный дотянуться до противника из-за щита и нанести серьезные увечья: сердце не отстучало и дюжины ударов, а Ромул уже чуть не лишился глаза и с трудом ушел от опасного удара в бицепс.

В ответ Ромулу удалось рассечь противнику правую руку, и он довольно ухмыльнулся – с такой раной, пусть и не смертельной, уж точно не погеройствуешь. Из пореза хлестала кровь, стекая к рукояти меча, фракиец после каждого выпада раздражался проклятиями: его удары, как и удары Ромула, приходились лишь в щит противника. Вскоре фракиец уже морщился при каждом замахе – и юноша не стал терять время.

Выставив левую ногу и двинув щит вперед, он взмахнул гладиусом – меч прочертил в воздухе мощную дугу, угрожая снести пельтасту голову: тому оставалось или отбить удар, или лишиться правой половины лица. Железные клинки скрестились, высекая сноп искр, меч Ромула отклонил ромфайю к земле, и, когда фракиец застонал, Ромул понял, что победил: надо лишь не упустить миг, пока враг обезумел от боли. Тем же движением юноша прынул вперед, налегая на щит всем телом.

Пельтаст не сдержал натиска – потеряв опору под ногами, он попятился и упал, выронив меч. Ромул тут же навис над ним, занеся для удара правую руку и бросив на противника мимолетный взгляд – так глядит на жертву палач, успевающий заметить в ответ лишь расширяющиеся зрачки. Мгновенный удар гладиуса – и фракиец затих навсегда.

Рывком выпрямившись, Ромул поднял скutum как раз вовремя: павшего врага сменил длинноволосый бородач в римском военном платье. Еще один из людей Габиния.

– Предатель, – прошипел Ромул. – Воюешь против своих?

– Бьюсь за свою родину, – рывкнул тот по-латыни, подтверждая догадку Ромула. – А вас-то сюда на кой занесло?

Ромул, уязвленный его словами, не нашелся с ответом.

– Вслед за Цезарем, – бросил разговорчивый легионер. – Лучшим полководцем на свете.

В ответ послышался смех, и Ромул не стал терять время: рванувшись вперед, он нацелил меч врагу в шею – над вырезом кольчуги – и вонзил клинок глубоко в горло. Противник с воплем упал, Ромул поверх его головы мельком глянул на вражеское войско – и тут же об этом пожалел. Египетская армия занимала все видимое пространство и неуклонно двигалась вперед.

– Сколько тут наших когорт? – спросил Ромул. – Четыре?

– Да. – Легионер вновь стоял с ним плечом к плечу. Строй редел на глазах, они были уже в первой шеренге и вместе с Тарквинием и остальными готовились принять следующий удар: на них шла очередная волна легионеров и легковооруженных нубийцев. – Правда, все неполные.

Новые противники – чернокожие воины в набедренных повязках, кое-кто с длинным пером в волосах – держали в руках большие овальные щиты, обтянутые кожей, и копья с широким наконечником. На тех, кто побогаче, красовались узорные головные повязки и золотые наплечные браслеты, за ткаными поясами виднелись короткие мечи, в руках – удлинённые луки, за левым плечом – колчаны. Зная расстояние, покрываемое римскими дротиками, вражеские воины остановились за полсотни шагов и неспешно наложили стрелы на тетиву. Их товарищи ждали.

Ромул с облегчением заметил, что нубийские луки сделаны из цельного куска дерева – не то что многослойные луки парфян, легко пробивающие стрелой skutum. Впрочем, радоваться все равно было особо нечему.

– Сколько нас? – переспросил он.

– Вместе с пятой когортой, стерегущей триремы, полторы тысячи. – Легионер заметил удивление Ромула и огрызнулся: – А чего ты ждал? Воюем уже седьмой год – Галлия, Британия, снова Галлия!

Юноша мрачно взглянул на Тарквиния. Их окружали бывалые ветераны, однако враг явно превосходил римлян числом. В ответ Тарквиний только виновато пожал плечами, и Ромул стиснул зубы: оказаться здесь лишь потому, что Тарквинию, несмотря на уговоры, приспичило осмотреть пристань и библиотеку! Зато Ромул увиделся с Фабиолой. Если он и погибнет в нынешнем бою, то по крайней мере будет знать, что сестра жива и в безопасности.

Грянул первый залп, нубийские стрелы взвились в воздух и со свистом понеслись вниз тонким смертоносным дождем.

– Поднять щиты! – послышались приказы командиров.

Через миг поток вражеских стрел с привычным глухим стуком обрушился на поднятые skutумы. Ромул с облегчением заметил, что стрелам не хватало силы пробить римские щиты, зато при виде густой темной смазки на каменных и железных наконечниках сердце его дрогнуло. Яд! В последний раз он видел такое в битве со скифами в Маргиане – даже мелкой царапины от смазанного ядом зазубренного наконечника хватало, чтобы раненый умер в мучениях и воплях. Ромул лишней раз порадовался крепкому skutуму в руке.

Второй залп – и нубийцы бегом устремились к когортам Цезаря. Не стесненные тяжелыми легионерскими доспехами, они все ускоряли бег, угрожающе выкрикивая боевой клич. Следом неслись бывшие солдаты Габиния – основная ударная сила. Вражеский строй насчитывал не меньше десятка рядов, в Цезаревом войске не набралось бы и пяти. Ромул, стиснув зубы до хруста, в очередной раз пожалел, что рядом нет Бренна.

Словно дождавшись подходящего мига, трубы выдали короткий набор сигналов. Из задних рядов донеслась команда: «Отступать к кораблям!» Голос звучал спокойно и размеренно, словно и не кипела вокруг кровавая битва.

– Сам Цезарь, – гордо пояснил легионер. – Никогда не паникует.

В тот же миг строй начал понемногу отклоняться к западной гавани: несмотря на краткость расстояния, оголять сразу всю линию обороны было нельзя. Нубийцы, заметив попытку уйти, взвыли от злости и вновь нацелились вперед.

– Не останавливаться! – крикнул ближайший к Ромулу центурион. – Держать строй! Как приблизятся на удар – отбить и продолжать движение!

Ромул, метнув взгляд на гавань, насчитал десятка два трирем – места-то хватит на всех, но куда идти?

– К Фаросу, – как обычно, опередил вопрос Тарквиний, указывая в сторону маяка. – Гептастадион в ширину всего полсотни шагов.

Вновь обретая былую уверенность, Ромул улыбнулся:

– Уж там-то продержимся! Хоть до конца времен!

И все же корабли пока были слишком далеко. Нубийцы, не мешкая, налетели на римский строй с такой яростью, что первые ряды отступили на несколько шагов. Ночной воздух наполнился криками – солдаты проклинали невезение, насланное на них богами. Легионеру слева копьё угодило в ногу, он забился и рухнул на землю; кому-то рядом клинок пронзил обе щеки насквозь, из ран хлестнула кровь – солдат, подняв руки к изувеченному лицу, пронзительно закричал. Ромулу было уже не до них: прямо на него неслась волна нубийцев.

Из красных оскаленных ртов летели угрозы, кожаные щиты ударились в skutумы, широкие копейные жала мелькали взад-вперед в жажде отведать римской плоти. В ноздри лез едкий запах от чернокожих тел. Первому же нубийцу, возникшему рядом, Ромул небрежным движением всадил гладиус под грудину, следующий чуть не сам наскочил ему на меч и умер раньше, чем успел это понять.

Справа от Ромула Тарквиний легко раскидывал вражеских солдат, зато стоявшему слева разговорчивому легионеру пришлось несладко: от насевших на него двух рослых нубийцев он сразу же получил копьём в правое плечо – и уже не мог сопротивляться, когда один дернул книзу его щит, а второй пронзил мечом горло. Впрочем, для вцепившегося в щит нубийца жизнь на этом и закончилась: Ромул тут же отхватил ему правую кисть и обратным движением гладиуса вспорол нутро от паха до плеча. Стоявший во втором ряду легионер выступил вперед, занимая место павшего, и они с Ромулом прикончили второго нубийца.

Погибших тут же сменяли живые.

Конницу бы сюда, с тоской подумал Ромул, орудуя мечом. Или катапульты. Что-нибудь неожиданное для смены тактики, другого выхода нет. Кто-то из легионеров добрался до трирем и уже лез на борт, главная же часть войска оказалась в ловушке, ведя явно проигрышную битву. Солдат охватывала паника; тщетно призывали к стойкости центурионы, тщетно потрясали древками знаменосцы в надежде укрепить пошатнувшуюся уверенность – легионеры отступали шаг за шагом. Почуввав запах крови, враг удвоил усилия.

Ромул уже понимал, чем все кончится, и исход его не устраивал.

– Не останавливаться! – донесся сзади голос. – Держать строй! Мужайтесь, соратники! Цезарь с вами!

Юноша мельком глянул через плечо.

К легионерам пробивалась гибкая фигура – алый плащ главнокомандующего, золоченый панцирь, тонкой работы шлем с гребнем из конского волоса и золотой филигранью на серебряных нащечниках. В руках – гладиус с узорной рукоятью слоновой кости и простой skutум. Узкое лицо с орлиным носом и темными пронзительными глазами показалось Ромулу смутно знакомым, но соображать не было времени. Спокойствие Цезаря добавило юноше сил – он, как и центурионы, готов был стоять насмерть: в присутствии такого полководца, как Цезарь, солдаты не отступают.

Ошеломленный Тарквиний в смятении переводил взгляд с Цезаря на Ромула и обратно.

Юноша ничего не замечал.

Весть о прибытии Цезаря пронеслась по рядам, настрой тут же сменился – паника растаяла, как утренняя дымка. Вопреки приказам, воодушевленные легионеры бросились вперед, на не ожидавшего атаки противника, и вскоре отбили прежние позиции. Наступила передышка – два войска настороженно застыли, глядя друг на друга поверх земли, усеянной кровавыми трупами, корчащимися ранеными и брошенным оружием. Пар из разгоряченных ртов облачками повисал в воздухе, из-под войлочных подшлемников, надетых под бронзовые шлемы, струился пот.

Цезарь не упустил случая.

– Помните битву с нервиями, соратники? – разнесся его громкий голос. – Мы тогда победили!

Легионеры одобрительно взревели: победа над отважным племенем нервиев была самой трудной за всю галльскую кампанию.

– А взятие Алезии? – продолжал Цезарь. – Галлы налетали тучами, как саранча! И все-таки победа осталась за нами!

Вновь одобрительный гул.

– Даже при Фарсале, когда нас уже ждал Гадес, – Цезарь повысил голос и обвел руками всех слушающих, – вы, мои соратники, одолели врага!

При виде засиявших гордостью лиц Ромул ощутил прилив отваги и преисполнился уважения к Цезарю – ведь он такой же солдат, как они! Выдающийся вождь!

– Це-зарь! – взревел седой ветеран. – Це-зарь!

Клич тут же разнесся по рядам, захватив и Ромула.

Вместе со всеми кричал даже Тарквиний.

Цезарь выждал, пока крик уляжется, и вновь принялся торопить войско к триремам.

Спасение было близко. Обескураженные отпором римлян и решительными словами Цезаря, египтяне на два десятка сердцебиений застыли на месте. До пристани оставалось всего ничего – бросок камня; сотни легионеров с помощью моряков уже взбирались на борт, несколько низко осевших от тяжести трирем вышли в гавань. Три ряда весел на каждой разом опускались в волны, выводя суда на глубину. Вражеские командиры, разъяренные бегством римлян, наконец опомнились и теперь спешили довершить начатое: озверевшая толпа солдат, подгоняемая их окриками, устремилась на врага с единственным желанием – уничтожить.

– Растянуть строй! – велел Цезарь. – Выстроить шеренги перед триремами!

Легионеры кинулись исполнять приказ.

Ромул содрогнулся от ужаса. Все слишком поздно. На ходу, когда враг бежит на тебя с расстояния в тридцать шагов, такие маневры не срабатывают.

Взгляд Тарквиния метнулся к звездному небу, ища знака. Откуда ветер? Не меняется ли? Однако времени на предсказания не было – в тот же миг египтяне налетели на римлян.

Атаковать отступающее войско – верный способ выиграть битву. Копейные наконечники метили кровью спины бегущих легионеров, гладиусы бывших солдат Габиния вонзались в ослабшие звенья кольчуг и в незащищенные подмышки, вышибали щиты из рук. Бронзовые шлемы разлетались в куски, лопались черепа. Сверху неслись потоки стрел и смертоносных камней – при виде их Ромул пал духом: если прашники подошли на выстрел, римских трупов изрядно прибавится.

На лицах легионеров теперь проступил страх, кое-кто испуганно взглядывал на небо и молился в голос. Энергичные окрики Цезаря никого не ободряли – римлян было слишком мало, вся битва свелась к отчаянной попытке уцелеть под натиском египтян. Ромул рубил мечом направо и налево, Тарквиний с редким для своих лет проворством следовал его примеру. Легионер, недавно вставший слева от Ромула, тоже оказался умелым воином – и хотя втроем они стоили многого, общая битва шла своим чередом.

С отступлением римлян число убитых росло, стена щитов перед триремами все слабела, пока не рассыпалась окончательно. Нубийцы с воплями ворвались в строй, в первую очередь убивая центурионов, отличимых по алым плащам и золоченым панцирям. Потеря командиров и вовсе лишила римлян боевого духа. Поняв, что вопреки всем усилиям битва грозит перейти в беспорядочное бегство, Цезарь отступил к пристани, и когорты тут же захлестнул страх – легионеры сбивали с ног своих же и, переступая через тела, бросались к спасительным триремам. Кого-то сбрасывали с пристани в воду, где тяжелые доспехи тут же увлекали жертву на дно.

– Не добраться! – крикнул Тарквиний.

Ромул глянул через плечо. Из всей цепочки кораблей у причала помещались лишь несколько, и ближайšie уже чуть не кренились от тяжести – объятые паникой легионеры не желали ждать и лезли на борт, рискуя потопить суда.

– Дураки, утонут ведь, – бросил он, стараясь не поддаваться страху. – Что делать?

– Плыть, – ответил гаруспик. – К Фаросу.

Ромула передернуло – в прошлый раз, когда им приходилось уходить вплавь, Бренн остался умирать в одиночестве на дальнем берегу реки Гидасп, и Ромул до сих пор со стыдом вспоминал брошенного товарища. Впрочем, нынешний раз прошлому не чета...

– Идешь? – спросил он легионера у левого плеча.

Тот коротко кивнул.

Слитным усилием, двигаясь как один, они пробились сквозь беспорядочную толпу перепуганных легионеров. В царящей суматохе выбраться из потрепанного римского войска оказалось нетрудно, зато на берегу пришлось смотреть в оба: каменные плиты причала, усыпанные частями тел и брошенными доспехами, были скользкими от крови. Оставив позади горящие портовые постройки, троица вскоре попала в полутемное пространство – к счастью, пустое. Битва велась лишь на подступах к триремам, а выставить дозоры к западу от пристани, чтобы отрезать путь к бегству, египетские командиры не догадались.

Впрочем, их промах сейчас мало что значил. У воинов Цезаря не осталось ни отваги, ни решимости – все вытеснила паника: не слушая приказов, легионеры пробивались к спасительным кораблям. Взглянув назад, в сторону когорт, Ромул кивнул на вторую от края трирему:

– Точно потонет.

Третий легионер, прикрыв глаза от сполохов пожара, выругался:

– На ней Цезарь! Гадес поберей этих египтян!

Ромул, сощурившись, разглядел в толпе главнокомандующего. Несмотря на окрики моряков и триерарха – капитана корабля, на борт лезли все новые легионеры.

– Утони он – кто будет командовать? – воскликнул легионер.

– Позже погорюешь. Самим бы выбраться, – бросил Ромул, стягивая доспехи.

Оставшись в одной тунике, он, не мешкая, прицепил обратно ремень с гладиусом и кинжалом.

Тарквиний последовал его примеру.

Легионер перевел взгляд с одного на другого и, бормоча жестокие проклятия, принялся сдирать с себя доспех:

– Я плохо плаваю.

– Держись за меня, – усмехнулся Ромул.

– Хорошо бы знать имя будущего спасителя, – кивнул легионер, протягивая руку. – Меня зовут Фавентий Петроний.

– Ромул. – Они пожали друг другу предплечья. – А это Тарквиний.

На дальнейшие любезности времени не оставалось. Ромул соскочил в воду, гаруспик от него не отстал. Петроний пожал плечами и тоже прыгнул – бой кипит далеко, трех всплесков никто не заметит. Тарквиний тут же стал выгребать через гавань по диагонали, стараясь дер-

жаться к свету так, чтобы видеть путь, не подставляясь под вражеские стрелы. Ромул, за которого уцепился Петроний, плыл сзади.

Застать корабль Фабиолы, как мечталось Ромулу, им, конечно, не удастся – судно давно растаяло в ночной мгле, взяв курс не иначе как на Италию. Вожденную Италию. Вопреки всему Ромул не терял надежды вернуться, да и Тарквиний без устали прочил ему дорогу в Рим – эта-то мечта и помогала теперь Ромулу плыть вперед. Возвращение домой и встреча с Фабиолой, грезящиеся ему при каждом взмахе рук, манили как блаженство Элизиума. Оставалось, правда, и незавершенное дело: если верить Тарквинию, матери нет в живых, однако за нее еще предстоит отомстить – убив Гемелла.

К действительности Ромула вернули плеск и буйные крики – legionеры десятками прыгали в воду с ближайшей триремы, тонущей под непосильным грузом. В воде им приходилось не легче: одних тут же утягивали на дно тяжелые доспехи, другие становились мишенью пращников и лучников, уже занявших Гептастадион.

Глядя на их мучения, Ромул нахмурился – помочь он был не в силах.

Петроний, тоже оглянувшийся на крик, крепче схватился за Ромула.

– Полегче! – рявкнул тот. – Задушишь!

– Прости. – Петроний ослабил хватку. – Смотри, Цезарь решил прыгать.

Ромул глянул назад. На фоне пламени, охватившего восточную гавань, виднелась проворная фигура главнокомандующего, не так давно ободрявшего legionеров перед лицом врага. Теперь, когда приходилось спасаться бегством, ему было не до дисциплины. Скинув шлем с поперечным гребнем, алый плащ и золоченый панцирь, он дождался стражников и затем, зажав в руке несколько пергаментных свитков, спрыгнул с поручня в море. Охрана последовала за ним, подняв вокруг главнокомандующего тучи брызг, – теперь, плотно окруженный legionерами, он поплыл к Фаросу, держа пергаменты над головой, чтобы не замочить.

– А он храбр, клянусь Митрой, – заметил Ромул.

Петроний усмехнулся:

– Цезаря ничем не испугать.

Россыпь стрел и камней вспенила воду, словно напоминая, что нельзя мешкать. Главная часть египетского войска по-прежнему наступала на когорты, застрявшие на пристани, остальные спешили к Гептастадиону, откуда можно было невозбранно осыпать снарядами беспомощных legionеров, пытающихся уйти вплавь.

Меткость пращников повергала Ромула в ужас. Сполохи пожара не так уж ярко освещали воду, к тому же египтянам приходилось стрелять с пристани сверху вниз, а беглецов прикрывала отбрасываемая Гептастадионом тень – и все же надежды Ромула уйти невредимым таяли на глазах. Камни размером с половину куриного яйца, заложенные в пращу и раскрученные над головой, уже летели в римлян. За первым залпом последовали другие; снаряды резали воздух, вздымая при падении фонтаны брызг, и каждый раз Ромул непроизвольно сжимался. Камни и стрелы, попадая в голову, убивали на месте или – если стрела не угодила сразу в щеку или в глаз – оглушали, и безжизненное тело уходило под воду.

Мишеней для вражеских пращников и лучников вскоре поубавилось, хотя ни Цезаря с телохранителями, уплывшего дальше остальных, ни Ромула с товарищами вражеские снаряды не задели. Впрочем, долго им не продержаться – на Гептастадионе, тянущемся параллельно их пути, Цезаревых войск нет, и египтянам ничто не мешает обстреливать беглецов оттуда.

– Скорее! – подгонял Тарквиний.

Град камней и стрел с плеском вспенил воду в двадцати шагах. У Ромула забилося сердце; затылком он чувствовал прерывистое дыхание Петрония. Их обнаружили! Ромул изо всех сил заработал руками, стараясь не глядеть по сторонам.

– Пращники у них меткие, – пробормотал Петроний. – В сноп соломы попадают за шесть-сот шагов.

Камни посыпались ближе. Ромул против воли не мог оторвать глаз от четких силуэтов египтян – враги с хохотом перезаряжали пращи. Вот кожаные ремни вновь взметнулись над головами, и ночной воздух дрогнул замораживающим гулом.

Слава Митре, остров приближался. Цезарь, выбравшийся на берег, уже отдавал приказы, отряжая легионеров защищать эту сторону Гептастадиона. Ромул облегченно выдохнул: спасение маячило все ближе, а стоит оттеснить египтян – и передышка не за горами. Вот тогда-то Тарквинию и придется выложить всю правду про драку у публичного дома.

Гаруспик, по-прежнему плывущий впереди, обернулся что-то сказать и встретил взгляд Ромула – твердый, исполненный решимости. Слова застряли у Тарквиния в горле, зато молчаливый обмен взглядами стоил тысячи речей и всколыхнул в душе Ромула бурю враждебных чувств. Да, он обязан другу многим, но ведь по милости Тарквиния пришлось бежать из Рима! Без него жизнь пошла бы по-другому! Ромул вспомнил рудис – простой деревянный меч Котты, его учителя в лудусе, и сдвинул брови: такой меч уже принадлежал бы и ему самому...

Тарквиний выпрямился – под ногами стелилась отмель.

Пращники, злобно вопя, отчаянно старались достать ускользящую троицу; торопливо выпущенные камни бесцельно шлепались в воду.

Калиги Ромула коснулись дна, зачавкала под ногами грязь. Петроний с облегчением вздохнул: гребок-другой – и он тоже встал на ноги. Ослабив хватку, легионер похлопал Ромула по плечу:

– Спасибо, парень. Я твой должник.

– Отплатишь, заждаться не дадут. – Ромул указал на главное войско египтян, собирающееся атаковать Гептастадион.

– Все в строй! – крикнул ближайший центурион, будто дожидался слов Ромула. – Каждый меч на счету!

– Лучше подчиниться, – посоветовал Тарквиний.

Это были его последние слова.

Пущенный из пращи камень, со свистом пронесшись между Ромулом и Петронием, ударил Тарквиния в левую скулу, с хрустом проломив кость. Накренившись от удара и приоткрыв рот, словно в беззвучном вопле, гаруспик навзничь упал в воду, доходившую ему до пояса, и в полубеспамятстве осел на дно.

Глава II

Йовина

Окрестности Рима, зима 48 г. до н. э.

– Фабиола! – разнесся в тишине голос Брута. – Подъезжаем!

Доцилоза приподняла тканый полог носилок, позволяя госпоже выглянуть наружу. Хотя рассвет только занимался, путники были в дороге уже третий час, – правда, женщинам и в голову не приходило жаловаться на ранний подъем: обеим хотелось скорее попасть в Рим, домой. Любовник Фабиолы Децим Брут спешил не меньше – Цезарь, застрявший с несколькими когортами в Александрии, поручил ему переговорить с Марком Антонием, начальником конницы: для прорыва египетской блокады, из которой Бруту с Фабиолой только что удалось ускользнуть, требовались новые войска.

При виде каменных гробниц, тут и там мелькающих за растущими вдоль дороги кипарисами, сердце Фабиолы забилося сильнее. Сооружать внушительные кенотафы на самых подступах к Риму могли лишь немногие богачи; строения, бросающиеся в глаза любому путнику, помогали хрупкой человеческой памяти хранить воспоминания об умерших. Да, Брут прав: столица уже близка. Все пути в Рим походили один на другой, бегущая перед Фабиолой дорога из Остии – римской гавани – мало отличалась от южной Аппиевой дороги, пусть и гуще других усеянной гробницами. Здешние усыпальницы с крашенными статуями, изображающими богов и предков усопших, стали приютом разбойников и дешевых шлюх – редко кто отваживался ходить здесь ночью. Даже сейчас, в предрассветном сумраке, колеблемые ветерком деревья и едва проступающие сквозь мрак строения таили угрозу, и Фабиола только порадовалась, что их сопровождает полцентурии отборных легионеров и ее верный телохранитель Секст.

– Наконец-то примешь вожделенную ванну, – улыбнулся Брут, подъезжая ближе.

– Хвала богам, – отозвалась Фабиола; ее дорожные одежды промокли от пота и липли к телу.

– Я вчера выслал гонца – он проследит, чтобы к нашему приезду все приготовили.

– Ты так заботлив, любовь моя. – Фабиола одарила Брута сияющей улыбкой.

Явно польщенный, Брут пустил коня рысью и поскакал в начало колонны – он, подобно Цезарю, всегда предпочитал быть в первых рядах.

Фабиолу вдруг передернуло от долетевшей до нее явственной вони. Тяжелый и густой запах нечистот, такой же привычный – хотя далеко не такой приятный, – как запах свежеспеченного хлеба, пропитывал весь Рим и был знаком Фабиоле с детства. Смерд ощущался уже за милю от городских стен. Многолюдный Рим, где тысячи плебеев не имели доступа к канализации, разительно отличался от чистой и аккуратной Александрии – там Фабиола и не вспоминала о столичной вони. Здесь же запах пронизывал все пространство, даром что из-за легкого утреннего ветерка воспринимался легче, чем в душные летние дни.

Четыре года, проведенные вдали от родного Рима, показались Фабиоле вечностью. Египет, недавнее ее пристанище, был неприветлив к чужакам и особенно ненавидел римлян, стремящихся подчинить его себе. Однако злость на египтян и желание поскорее отплыть в Рим исчезли в тот же миг, как она нежданно увидела Ромула. Ее брат-близнец жив! И служит в римской армии! Фабиола рвалась остаться и помочь Ромулу, но Брут, к ее ужасу, воспротивился задержке – египтяне наступали, и Брут, даже сожалея о страданиях возлюбленной, остался непреклонен. Фабиоле пришлось подчиниться. Боги сохранили Ромулу жизнь – значит, помогут им встретиться вновь. Если бы только расслышать его слова! Ей показалось, что Ромул пытался выкрикнуть номер легиона, однако его голос затерялся в шуме, сопровождавшем отход триремы. И все же, несмотря ни на что, их встреча изрядно прибавила Фабиоле сил.

Сейчас, после недели изнурительного путешествия, Фабиола с Брутом приближались к цели. Воздух внутри носилок, несмотря на плотные занавеси, уже пропитался запахом нечистот.

Фабиола едва могла побороть тошнотворный комок, подкативший к горлу при воспоминании о грязном ведре, предназначенном для рабов в доме Гемелла. Больше никогда! – гордо выпрямилась Фабиола. Она уже не прежняя! Даже в публичном доме, куда продал ее хозяин-купец, были приличные уборные. Правда, это мелкое удобство терялось на фоне того, что ее тело служило тогда для утоления похоти случайных мужчин. Грубая жизнь Лупанария сломила дух большинства тамошних обитательниц – но не Фабиолы. Она выжила. Поставив себе целью отомстить Гемеллу и выяснить, кто их с Ромулом отец, она поклялась избавиться от позорного положения – любой ценой.

Пребывание в публичном доме содержало в себе и выгоду – обилие богатых посетителей. По совету опытной приятельницы Фабиола решила завоевать подходящего аристократа и, со знанием дела пользуясь всеми секретами обольщения, принялась отбирать ничего не подозревавших кандидатов.

Приподняв тяжелый полог, она тайком окинула взглядом Брута, который вернулся к носилкам и ехал теперь рядом. При виде Секста, державшегося на расстоянии вытянутой руки, как и обычно днем (по ночам он спал у выхода из ее комнаты), Фабиола удовлетворенно кивнула. Брут, заметив ее, просиял улыбкой и получил в ответ воздушный поцелуй. Мужественный и привлекательный Брут, бывалый воин и верный сторонник Цезаря, полностью подпал под ее чары после первых же встреч в Лупанарии. Хотя выбрала она его, конечно, не за это.

Все решила близость Брута к Цезарю. Фабиола и до сих пор не понимала, какой инстинкт ею руководил, но ставка на Брута оправдала себя с лихвой. Пять лет назад он выкупил ее из публичного дома и сделал хозяйкой своей новой латифундии – поместья недалеко от Помпей.

Предыдущим владельцем латифундии оказался ни много ни мало сам Гемелл. Губы Фабиолы изогнулись в торжествующей усмешке – даже сейчас мысль о его поражении отзывалась сладким мстительным чувством. Она бы не задумываясь убила его собственноручно, подвернись ей такой случай, однако все попытки отыскать мерзавца провалились, и Гемелл, как и многое из прошлого Фабиолы, канул в неизвестность.

Фабиола, выглянув из носилок, окинула взглядом дорогу. Путники встречались все чаще: торговцы вели в поводу груженных товарами мулов, крестьяне спешили на рынок, дети гнали на пастбища коз и овец. Тут и там попадались прокаженные на грубо сработанных костылях и ветераны, освобожденные от службы и теперь по двое-трое добирающиеся до дому. Мимо прошел жрец со стайкой бритоголовых учеников, сердито рассуждая о каком-то религиозном предмете. Здесь же тянулась колонна рабов в нашейных цепях – впереди вышагивал мускулистый надсмотрщик в кожаном панцире и с плетью в руках, по сторонам маячила вооруженная охрана на случай, если рабы вздумают бежать. Обычное зрелище, ничего примечательного – Рим как никогда нуждался в рабах. Однако Фабиола юркнула за полог и сидела сжавшись, пока шаркающий, не поднимающий головы строй не остался позади: даже спустя четыре года ее повергала в ужас мысль о Сцеволе – злобном охотнике за беглыми рабами, от которого ей едва удалось спастись.

Впрочем, на ее решимость это не влияло.

До александрийской встречи с Ромулом Фабиоле удалось выяснить главное – что их отцом был Цезарь. С полководцем, так разительно напомнившим ей брата, ей случилось быть наедине лишь однажды – и Цезарь, не упустив случая, попытался ее изнасиловать. В том, что он был насильником ее матери, Фабиолу убедил не столько похотливый взгляд, сколько грубо брошенные слова – «Молчи, а то будет плохо»: чутье подсказало ей, что произносил он их не впервые. С тех пор, уверенная в истине, она лишь следила и выжидала, не сомневаясь, что час расплаты для Цезаря еще настанет.

Сейчас в Египте ему наверняка приходилось туго, однако Фабиола не желала ему немедленной гибели: смерть от рук чужеземных толп – вовсе не та триумфальная месть, которую она задумала. После Египта его помянут и другие войны – республиканская армия еще сильна в Африке и Испании. Фабиола же, вернувшись в Рим, получала редкую возможность готовить заговор к возвращению Цезаря и подбирать убийц. Недостатка в желающих не будет – стоит лишь сказать им, как некогда Бруту, что Цезарь лелеет мечту сделаться римским царем: от такой мысли даже самый мирный римский гражданин немедля вспыхивает ненавистью.

Дом Брута, правда, совершенно не подходил для заговоров, однако Фабиола положила на богов – уж они-то помогут ей найти нужную опору.

* * *

Минула не одна неделя, прежде чем Фабиола отважилась выйти в город без Брута. С возвращением в Рим вновь ожил страх перед мстительным Сцеволой, и на улицах ее неминуемо охватывала паника. К тому же со временем ей понравилось хлопотать по дому – вести хозяйство, готовить пиры для друзей Брута, заниматься греческим языком со специально нанятым преподавателем. Она выучилась читать и писать, что лишь добавило ей уверенности, и жадно проглатывала все рукописи, которые могла найти. Теперь стало ясно, почему Йовина предпочитала неграмотных девиц: их проще держать в повиновении. Каждый вечер, возвращаясь домой усталым после долгого дня, Брут поражался ее вдумчивым вопросам о политике, истории и философии.

Доставив Марку Антонию – второму лицу в Риме после Цезаря – известие о затруднительном положении Цезаря в Александрии, Брут присоединился к Антонию и другим главным соратникам диктатора, управляющим сейчас Республикой. Облегчения не предвиделось: Рим переживал тяжкие времена. Пока Брут не привез вести из Египта, о Цезаре ничего не знали больше трех месяцев – римляне забеспокоились, выступления следовали одно за другим. Подстрекаемые рвущимися к власти политиками, нобили – в издевку над прежним указом Цезаря о частичной кассации задолженности – теперь требовали полного возмещения всех долгов, в которых успели погрязнуть. Кое-кто из недовольных даже переметнулся к республиканцам. К тому же в Италию вернулись сотни ветеранов Десятого легиона, самого любимого Цезарем, – деньги и земли, обещанные в вознаграждение за службу, им выдавать не спешили, и ветераны то и дело выходили на улицы требовать своего.

Марк Антоний, действуя, по обыкновению, жестко, ввел в город войска, чтобы разогнать зачинщиков, и вскоре на улицах уже лилась кровь. Как заявил Фабиоле Брут, это скорее напоминало расправу с мятежными галлами, чем обращение с гражданами Рима. Когда приверженцев Помпея удалось-таки успокоить и угроза республиканского восстания рассеялась, Антоний мало что предпринял для обуздания ветеранов: символическая попытка их унять только ухудшила дело. Бруту, более дипломатичному по натуре, чем грозный начальник конницы, пришлось встретиться с главными бунтарями Десятого легиона и на время утихомирить страсти, однако до окончательного спокойствия было еще далеко.

К началу лета Брут по горло увяз в делах, Сцевола по-прежнему не появлялся, и Фабиола наконец, поддавшись сумасбродной идее, решила навеститься в Лупанарий – тот самый публичный дом, в котором когда-то служила. Посвящать в свои замыслы Брута она не собиралась: чем меньше любовник знает, тем лучше. Правда, без его ведома стражу из легионеров не возьмешь... При мысли, что ей придется ходить по улицам в сопровождении одного Секста, в девушке закипал страх, однако она себя пересилила. Не сидеть же вечно за толстыми стенами! И не таскать же за собой отряд воинов всякий раз, как захочется выйти в город!

Сейчас главное – скрытность...

Поэтому, несмотря на поджатые губы верной Доцилозы и недовольное ворчание оптиона, командующего солдатами Брута, Фабиола под охраной Секста отправилась на Палатинский холм. Населенный преимущественно состоятельными римлянами, он, подобно прочим районам столицы, вмещал в себя и немалое количество инсул – деревянных многоквартирных домов, в которых проживала основная часть горожан. Над нижним рядом магазинов, выходящих прямо на улицу, высились еще два-три, а то и четыре этажа квартир для сдачи внаем. Полутемные, кишашие крысами каморки без удобств, обогреваемые одними жаровнями, часто становились рассадниками холеры, оспы и дизентерии, дома то обрушивались, то занимались огнем и сгорали вместе с жильцами. В тесные проходы между строениями почти не проникал свет, улицы едва насчитывали в ширину десятков шагов, мощеных было и того меньше, и все это ежедневно кишело горожанами, торговцами, рабами и ворами, отчего толчея на узких улочках делалась невыносимой.

Родившаяся и выросшая в Риме, Фабиола успела полюбить простор и безлюдные земли вокруг латифундии, хотя и считала, что по-прежнему привычна к городской тесноте. Однако стоило им с Секстом отойти от дома на сотню шагов – и уверенность начала таять. В обступившей их толпе девушке то и дело грезился Сцевола, ноги от страха подгибались, она замедлила шаг.

– Что случилось, госпожа? – Секст, взглянув на ее осунувшееся лицо, взялся за рукоять гладиуса.

– Ничего, – выговорила Фабиола, плотнее закутываясь в покрывало. – Дурные воспоминания.

Секст прикоснулся пальцем к пустой глазнице – следу от давней стычки со Сцеволой.

– Знаю, госпожа, – проворчал он. – И все же не медли. Лучше не выделяться из толпы.

Решив не поддаваться страху, Фабиола последовала за Секстом. В конце концов, сейчас начало дня, люди заняты привычным делом – женщины и рабы торгуются с хлебопеками, зеленщиками и мясниками, виноторговцы нахваливают свой товар и предлагают глоток каждому, кто согласится слушать, кузнецы стучат по наковальне под добродушную болтовню горшечников и плотников, присевших рядом с чашей ацетума. Над всем носится вонь от кожевенных и сукновальных мастерских, менялы испепеляют грозными взглядами калек, зарящихся на аккуратные стопки монет, уличные мальчишки снуют в толпе, гоняясь друг за другом и норовя стащить что подвернется. Все как раньше.

«Кроме легионеров», – поправила себя Фабиола. Давний закон, запрещавший солдатам появляться в Риме, отменен лично Цезарем: угроза мятежей не стихала, и Рим наполнился войсками сверх прежней меры. Под охраной Секста и в присутствии легионеров ей ничто не грозит...

– Пойдем, – заявила Фабиола, вздернув подбородок. До Лупанария оставалось всего ничего.

Секст, видя ее привычную решимость, с улыбкой кивнул.

Вскоре они уже подходили к улице, лучше других знакомой Фабиоле: здесь, невдалеке от Форума, располагался Лупанарий. Девушка вновь замедлила шаг, однако на этот раз совладать со страхом оказалось проще: она уже давно не та тринадцатилетняя рабыня, которую притащили сюда на продажу. Беспокойство вскоре сменилось оживлением, Фабиола зашагала скорее, обгоняя Секста.

– Госпожа!

Фабиола не обернулась. Толпа наконец поредела, и девушка застыла с открытым ртом в нескольких шагах от входа. Ничего не изменилось. Два ярко раскрашенных каменных фаллоса высились по обе стороны от арочного портала, недвусмысленно указывая на природу заведения, снаружи стоял бритоголовый великан с окованной дубиной в руке.

– Веттий... – Голос Фабиолы дрогнул от волнения.

Великан даже не взглянул.

Откинув с лица покрывало, Фабиола подошла ближе:

– Веттий!

Услыхав свое имя, привратник нахмурил лоб и огляделся.

– Не узнал? Неужели я так изменилась?

– Фабиола? – с запинкой выговорил великан. – Ты?

На глаза Фабиолы навернулись счастливые слезы, она кивнула. Веттий входил в число самых преданных ее друзей; она умоляла Брута выкупить вместе с нею и обоих привратников, однако Йовина ловко ушла от сделки – для заведения эта парочка была слишком ценна. Расставание с ними отозвалось тогда в сердце Фабиолы жгучей болью.

Веттий кинулся было к ней с объятиями и тут же замер на месте: путь ему преградил Секст – явно проигрывающий ростом противнику, но от этого не менее бесстрашный.

– Назад! – рявкнул Секст, выхватывая меч.

Удивление на лице Веттия вмиг сменилось злобой, однако ответить он не успел – Фабиола коснулась руки Секста.

– Это друг, – объяснила она, стараясь не замечать смущенного взгляда телохранителя. Секст хмуро отступил. – Как же давно мы не виделись! – с чувством произнесла Фабиола, глядя на Веттия.

Помня о разнице в положении, привратник уже не порывался обнять девушку и лишь отвесил неловкий поклон.

– Клянусь Юпитером, рад тебя видеть! – чуть сдавленно произнес он. – Боги вняли моим молитвам.

Фабиола, уловив озабоченность в его голосе, тут же насторожилась:

– А где Бенигн? Он здоров?

– Куда ему деться! – По небритому лицу Веттия скользнула кривая ухмылка. – Дрыхнет в покоях, могу голову прозакладывать. Отсыпается после ночного караула.

– Хвала Митре, – выдохнула Фабиола. – Тогда в чем дело?

Веттий неловко покосился по сторонам.

Фабиола вспомнила собственную настороженность в те времена, когда здесь жила, и поняла, что речь о Йовине.

Веттий склонился к ее уху.

– Порядка нет который месяц, – шепнул он. – Еще и клиентов теряем.

– Почему? – поразилась Фабиола. На ее памяти в Лупанарии всегда было многолюдно.

Привратник не успел ответить.

– Веттий!

При звуке сварливого голоса, который почти четыре года выкликал ее к клиентам, Фабиола едва сдержала подкатившую к горлу тошноту.

– Веттий! – еще раздраженнее повторила Йовина. – Ступай в дом!

Привратник, виновато взглянув на собеседницу, повиновался. Фабиола с Секстом последовали за ним.

Приемный зал с мозаичным полом выглядел таким же пестрым и помпезным, как и в былое время. Стены от пола до потолка покрывала яркая роспись, изображающая леса, реки и горы, с которых поглядывали на посетителя пухлые купидоны, сатиры и разнообразные боже-ства – из них особо выделялся Приап с внушительным пенисом. Одна стена изображала в ряд любовные позы, каждую под своим номером, чтобы клиенты могли без затруднений указать желаемое; в центре мозаичного пола высилась статуя обнаженной девушки в объятиях лебедя. На всем лежала легкая печать затхлости, будто зал давно не чистили. Теперь слова Веттия стали понятнее.

При виде стоявшей в стороне шуплой женщины, одетой в низко открытую столу, сердце Фабиолы подпрыгнуло: шутка ли – снова встретить Йовину, пусть и через пять лет. На первый взгляд она показалась прежней: все та же дряблая плоть напоказ, те же яркие губы и глазки-бусины на лице, покрытом свинцовыми белилами, охрой и сурьмой, все то же обилие золота и камней на шее, пальцах и запястьях – богатые клиенты не скупилась награждать Йовину за всегданнее молчание и скрытность.

– Ступай разбуди этого дурака Бенигна, – бросила она Веттию. – Для него есть поручение.

– Да, госпожа, – пробормотал Веттий и направился к коридору, ведущему в задние комнаты. Фабиола, скрытая за его спиной, теперь осталась на виду.

– Йовина.

Старая карга в кои-то веки не сумела скрыть удивление – морщинистая рука взметнулась к накрашенному рту и вновь опала.

– Фабиола?..

Секст изумленно вздернул бровь: прежняя жизнь его госпожи связана с этим заведением?..

– Я вернулась, – просто сказала Фабиола.

– Прекрасно, добро пожаловать! – зачастила очнувшаяся Йовина – профессиональные манеры наконец взяли верх. – Чашу вина? Закусить? Девочку?

Она хохотнула в ответ собственной шутке и тут же зашлась в приступе кашля.

– Какая любезность, вина, пожалуй, – улыбнулась девушка, внутренне поражаясь измученному виду хозяйки.

В давние дни, попав в Лупанарий, Фабиола застала содержательницу уже немолодой, теперь же Йовина сделалась и вовсе старухой, к тому же явно не блистала здоровьем. Тело, и раньше худощавое, сейчас походило на скелет, из-под морщинистой кожи тут и там проступали кости – Фабиола не удивилась бы, случись ей увидеть в углу Орка, владыку преисподней, притаившегося в ожидании Йовины.

Хозяйка метнулась к столику у выхода в коридор – там для особых клиентов она держала красно-черный глиняный кувшин, четыре тонких синих стакана и тарелочки с оливками и хлебом.

Возвращаясь с двумя полными стаканами, Йовина споткнулась и чуть не упала.

– Прости, я такая неловкая, – пробормотала она, нервно улынувшись.

Старуха и вправду слаба, поняла Фабиола.

– Давай же выпьем, – замурлыкала хозяйка. – Совсем как в старые времена.

– Не совсем, – насмешливо отозвалась Фабиола. – Я теперь свободная гражданка Рима.

– И любовница самого Децима Брута, – испытующе добавила Йовина. – Он отвалил за тебя кучу денег.

– Хвала богам. Не устаю выказывать ему благодарность.

– Чудесно! – Хозяйка Лупанария расплылась в фальшивой улыбке. – Такой счастливый исход!

Женщины потягивали вино и вежливо болтали ни о чем, исподволь изучая друг друга: Йовина силилась понять, зачем бывшая рабыня сюда пожаловала, а та приглядывалась к обстановке в Лупанарии. Усилия обеих ничем не увенчались, и беседа закономерно перетекла в обсуждение гражданской войны и возвышения Цезаря. Йовина – искренне или нет – не скупилась на похвалы полководцу, начальствующему над Брутом.

– Говорят, в Александрии его войско угодило в ловушку, – наконец осторожно произнесла она. – Врут, наверное?

– Нет, все правда. У египтян огромная армия. Мы с Брутом едва спаслись.

Йовина ахнула:

– Чтобы Цезарь, да при его дальновидности, попал в переделку!.. Как так?

Фабиола не собиралась вдаваться в подробности. Стремительно преследовать Помпея после битвы при Фарсале, имея лишь малую часть войска, было вполне в духе Цезаря. Тактика, к которой он прибежал, – наступать быстро, чтобы враг не успел подготовиться, – обычно себя оправдывала, однако в этот раз все обернулось иначе: египтяне яростно сопротивлялись, причиняя урон где только можно.

– Когда мы отплывали, из Иудеи и Пергама уже шла помощь, – объяснила Фабиола. – А Марк Антоний вчера выслал целый легион из Остии. Блокада скоро кончится.

– Хвала Юпитеру. – Йовина торжественно подняла стакан вина. – И Фортуне.

– Несомненно, – кивнула Фабиола, обуреваемая жадой мести. Выиграв гражданскую войну, Цезарь вернется в Рим. Прямо к ней в руки.

По коридору разнесся стук сандалий, и на пороге появились Веттий с Бенигном. Оба улыбались до ушей.

– Фабиола! – завопил Бенигн и, рухнув на колени, припал к краю ее одежды, как проситель перед царицей.

Йовина, несмотря на явную досаду, изобразила удовольствие.

– Встань. – Фабиола ласково взяла Бенигна за руки. – Рада тебя видеть!

Заметив следы от золотых браслетов, некогда охватывавших мощные запястья, она нахмурилась. Лишиться обоих браслетов, полученных в награду? Йовина, должно быть, и впрямь впала в крайнюю нужду...

Владелица заведения, не обращая на них внимания, суежилась у стола – запечатав воском какой-то документ, она вручила его Бенигну.

– Отнесешь куда обычно, – заявила она.

– К прежним ростовщикам? – озадаченно переспросил привратник. – Рядом с Форумом?

– Разумеется! – Йовина нетерпеливо замахала руками. – Ступай, ступай!

Бенигн кивнул и направился к двери, по пути обменявшись улыбками с Фабиолой. Вышедший за ним Веттий занял свой пост на улице; Секст устроился у самого входа, бдительно наблюдая за происходящим.

Мозг Фабиолы лихорадочно работал. Бенигн по поручению Йовины ходит к ростовщикам! И хозяйка явно недовольна, что Фабиола об этом узнала! Былая сумасбродная идея вдруг показалась девушке не такой уж невыполнимой.

– Как дела в Лупанарии? – спросила она непринужденно.

Лицо Йовины сделалось непроницаемым.

– Лучше прежнего! – Новый приступ кашля сотряс ее щуплое тело, лишь усилив подозрения Фабиолы. – А почему ты спрашиваешь?

– Утомительно, наверное, управлять Лупанарием в одиночку, – сочувственно проворковала Фабиола. – Ты совсем измучена!

– Я прекрасно себя чувствую! – Хозяйка выдавила улыбку, обнажив гнилые зубы и покрасневшие десны, никак не свидетельствующие о сытой жизни. – Хотя, конечно, дела не так уж хороши.

Почуввав в противнике слабинку, Фабиола придвинулась ближе:

– Неужели?

Йовина помрачнела.

– Даже скорее плохи, – призналась она, позволяя Фабиоле себя усадить. – Год назад открылось новое заведение, за три улицы отсюда. Молодая смазливая хозяйка, грозный совладелец. – Морщинистое лицо Йовины, покрытое слоем краски, жалобно дернулось. – На невольничьем рынке у них связи, красивых рабынь скупают до общих торгов – приличного товара не видишь месяцами! Разве с такими сравнишься? Замкнутый круг – расходы не убавляются, девочек осталось лишь два десятка...

– А как же Бенигн и Веттий? – участливо осведомилась Фабиола. – Они-то отделают кого угодно!

В усталых глазах Йовины мелькнула слабая искорка.

– Верно, да только дюжину головорезов с мечами и кинжалами не одолеть даже им.

Настал черед Фабиолы изумляться: с тех пор как она ушла из публичного дома, проституция явно стала делом еще более опасным.

– Вели купить еще стражников, – посоветовала она и сама удивилась, насколько близко к сердцу принимает судьбу Лупанария. – Или найми гладиаторов. Что тут сложного?

Йовина вздохнула:

– Я так устала, Фабиола! Да и здоровье не то. Бороться за власть... – Она обреченно замолкла.

Фабиола едва могла скрыть изумление: та самая Йовина, чей Лупанарий десятилетиями славился на весь Рим! Та, что выкупила ее у Гемелла, самолично убедилась в ее девственности, а потом требовала с клиентов целое состояние за право провести с ней первую ночь! Несгибаемая как клинок, Йовина удерживала публичный дом железной хваткой, и немудрено, что со временем ее силы иссякли. Слабый вид хозяйки потряс девушку, однако жалости и сострадания не вызвал. Фабиола ей ничего не должна.

На миг повисла тишина, и до Фабиолы вдруг дошло, что, пока она тут сидит, ни один мужчина не заглянул в заведение. В прежние времена Лупанарий так не простаивал.

– Насколько плохи дела?

Йовина окончательно сникла:

– Если клиентов в день больше полудюжины – радуемся, как улыбке Фортуны...

– Так мало? – Потрясенная Фабиола едва могла скрыть изумление.

– Чего только я не перепробовала! Особые условия, скидки, мальчики... Пикантные услуги от девочек...

Фабиола поморщилась, однако предпочла не перебивать.

– Без толку. Все идут к той стерве. – Йовина сжала губы, в ней словно вспыхнул былой огонек. – Столько лет трудов – и ради чего?

– Может, не все потеряно?

– В каких только храмах не была, каких приношений не делала! На что еще надеяться? – Голос Йовины вновь потух.

Фабиолу вдруг словно подхлестнуло – вот он, повод! Не упустить, стать хозяйкой положения! Она чуть помедлила: слишком велик риск, надо действовать наверняка. Обставить все так, чтобы Йовина не отказалась: старая карга не так уж немошна, вмиг почует неладное. Нельзя, чтобы план провалился. Лупанарий может стать главной опорой ее замысла – мести Цезарю. Губы Фабиолы едва заметно дрогнули от предвкушения.

– А ты не подумывала... отойти от дел? – осторожно спросила она. – Отдохнуть?

Йовина фыркнула и тут же уставилась на Фабиолу глазами-бусинами, как орел на жертву. Дряхлый, бессильный орел...

– А кто будет управлять заведением? Ты, что ли?

Девушка заговорила вкрадчивее:

– Я просто предположила. Конечно, я бы заплатила хорошую цену – не по нынешним доходам, а по состоянию на прошлый год. – Она беззаботно повела рукой. – Если захочешь, можешь остаться на время, помочь все наладить.

Навык Йовины справляться с повседневными заботами Лупанария грех было бы не использовать на первых порах, пока Фабиола не освоится.

– Ты что? – Йовина не сразу пришла в себя. – После всего, что ты здесь натерпелась? Зачем тебе Лупанарий?

Фабиола лениво разглядывала тщательно отполированные ногти.

– Мне скучно, – ответила она, почти не покрывив душой. – Подумываю, чем бы занять время. А уж в здешних делах я разбираюсь.

– А как же Брут?

– Он позволяет мне все, что захочу. Годами скитаюсь с ним по походам, а тут и вовсе гражданская война на носу – кто знает, скоро ли кончится, – пожаловалась Фабиола. – В Греции и Египте просто измучилась. И тащиться за ним в Испанию или Африку не желаю.

Йовина потеряла массивный золотой браслет на запястье.

– А цена?

– Думаю, сойдемся на ста пятидесяти тысячах денариев, – бросила Фабиола, занимавшаяся в уме подсчетами ровно с той минуты, как Йовина назвала ей число клиентов. И после паузы, чтобы сумма отложились в уме хозяйки, продолжила: – Пять тысяч за каждую девочку и пятьдесят за здание. Все неоплаченные долги – за твой счет.

Глаза Йовины чуть не вылезли на лоб – предложение было более чем щедрым.

– Ты распоряжаешься такими суммами?

– Брут богаче, чем ты думаешь, – безмятежно улыбнулась Фабиола. – И не скупится на подарки, лишь бы сделать мне приятное.

Йовина, затихнув, принялась обдумывать возможности, Фабиола следила за ней украдкой. Хитрости хозяйке было не занимать, и, когда Йовина явно сосредоточилась на подсчетах, настало время финального удара.

– Я не прибавлю ни единого асса. – Голос Фабиолы звучал уже не так дружелюбно. – И вторично предлагать сделку не стану.

Йовина обмякла, откинувшись на спинку сиденья.

– Дай время подумать, – прошептала она. – Несколько дней.

– Ну уж нет, – торжествующе заявила Фабиола: уж теперь-то хозяйка никуда не денется. – Хватит и двух часов.

– Хорошо, – нехотя кивнула Йовина.

Осушив бокал до дна, Фабиола двинулась к выходу:

– Я вернусь к полудню.

Девушка торжествовала: наконец-то все идет по ее воле! Ромул теперь в армии – значит, Рима ему не миновать, они обязательно встретятся. Брут, всецело ей преданный, может пробиться в ближайшие помощники Цезаря, а девочки в Лупанарии – который будет ей принадлежать всего через два часа! – помогут завоевать и его соратников. Ради главной цели. Ради того, чтобы убить Цезаря.

Фабиола так глубоко ушла в мысли, что не услышала предостерегающего оклика Секста и подняла глаза лишь тогда, когда телохранитель преградил ей дорогу.

– Что случилось?

– Неприятности, – озабоченно ответил тот, вытаскивая из ножен гладиус и оттесняя Фабиолу от выхода, чтобы она не пыталась даже выглянуть наружу.

С улицы вдруг донеслись громкие голоса.

– Отвалите, ублюдки! – перекрыл их голос Веттия.

– Не удержишь, не старайся, – рявкнул кто-то в ответ. – Мой господин желает потолковать со старой стервой и ждать не намерен.

– Через мой труп! – прорычал Веттий.

Раздался взрыв хохота – Фабиола поняла, что привратник один против многих. Следом послышался лязг вынимаемых из ножен мечей, и с ее губ сорвалось проклятие. Неужели так стоять без дела, пока на тебя нападают? Где Бенигн?

– Кто они? – бросила она Йовине, чья бледность стала заметна даже под краской.

– Головорезы из нового заведения, – едва прошептала та.

– Ладно, придурок, даю еще шанс, – бросил противник Веттия. – Отойди.

– Проваливай, откуда пришел! – рыкнул Веттий. – Всех перебую!

Помимо гордости – ведь не будь здесь Фабиолы, Веттий упорствовал бы не так сильно, – девушку обьял ужас. Кто знает, чем все кончится...

С улицы слышались гневные крики – толпа подступала ближе.

– Веттий! – Йовина умудрилась перекричать шум. – Пусть войдут!

Снаружи воцарилась тишина.

В Лупанарии, затаив дыхание, ждали.

Дверной проем закрыла тень, и Фабиола невольно сжалась за спиной Секста, который оттеснил ее к стене. На пороге возникла закутанная в плащ фигура, за которой виднелись пятеро мускулистых громил с мечами наголо. Следом ввалился Веттий с поднятой дубиной. Убедившись, что Фабиола цела, он тоже встал впереди, отгородив ее от вошедших так, что те поначалу не заметили ни ее, ни Секста. По шее Фабиолы струился пот, ноги приросли к полу.

Взгляд жоака остановился на явно струхнувшей Йовине.

– Чего надо? – визгливо крикнула она. – Мало тебе, что угробил мое заведение?

– Йовина! – Пришелец театрально оскорбился. – Мы только зашли спросить о твоём здоровье! Говорят, ты неважно себя чувствуешь?

– Пошел вон, наглец! – огрызнулась хозяйка. – Я здорова!

– Отлично! – Визитер отвесил издевательский поклон, и сердце Фабиолы дернулось – слишком уж знакомым показался жест. И мощное телосложение, и серебряные браслеты на запястьях... Однако собраться с мыслями не удалось: пришедший продолжал речь:

– Ведь мы за тебя так волнуемся! Лучше бы тебе оставить Лупанарий. Отдохнуть. Чем скорее, тем лучше.

Былая вспышка лишила Йовину последних сил.

– Это все-таки мое детище, – пробормотала она. – Что с ним будет? И с девочками?

– А мы присмотрим! И за домом, и за привратниками, и особенно за девочками. Правда, ребята? – Говоривший кинул взгляд на подручных, те загоготали.

Фабиола почувствовала, как желчь подкатывает к горлу, и попыталась прогнать тошноту. Сомнений не оставалось – перед ней Сцевола. Фугитиварий, охотник за беглыми рабами.

Она судорожно кашлянула.

Сцевола тут же обернулся. Небрежно окинув взглядом Веттия с Секстом, он воззрился на Фабиолу, и лицо его перекосилось злобной ухмылкой.

– Клянусь всеми богами! – выдохнул он. – Кто бы мог подумать?

На Фабиолу нахлынула внезапная дурнота – и девушка оперлась на плечо Секста, чтобы устоять на ногах.

Глава III

Фарнак

Понт, север Малой Азии, лето 47 г. до н. э.

Одной рукой расстегнув ремень под подбородком, Ромул приподнял шлем с войлочным подшлемником и вытер лоб. Полегчало, но ненадолго. Как и прочие солдаты в строю, он по приказу Цезаря тащил на себе фащину – тяжелую связку кольев; несмотря на прохладный горный воздух, легионеры обливались потом. Армия выдвинулась в путь еще до рассвета, и временный лагерь у города Зела уже скрылся в нескольких милях позади.

Ромул покосился на солнце, одиноко висящее в синем небе. Ни облачка, ни тени. Несмотря на ранний час, лучи палили нещадно – такого Ромул не помнил со времен Парфии. Разгорающееся утро сулило знойный день, впереди все неотвратимее маячила битва – и смерть. Если бы только Ромулу хватило присутствия духа простить Тарквиния прежде, чем тот сгинул! А теперь уж, наверное, и не будет случая... Его вновь захлестнула горечь – и он не стал сопротивляться, зная, что сделает только хуже.

Каждый мучительный миг их последнего александрийского дня помнился ясно, будто все случилось вчера. Признание Тарквиния в давнем убийстве аристократа, восемь лет назад затеявшего с Ромулом и Бренном драку у входа в римский Лупанарий, грянуло как гром среди ясного неба – ведь они с Бренном из-за этого бежали из Рима! Уверенные, что аристократ погиб от случайного удара Ромула!

И все же как бы ни злился Ромул на Тарквиния, он много бы дал, чтобы вновь увидеть светловолосого гаруспика живым и невредимым, с неизменной двулезвийной секирой на плече. Судьба его известна лишь богам – гаруспик вполне мог разделить участь сотен моряков и легионеров, погибших той ночью. Ромул нахмурился: если бы не проклятые прашники, Тарквиний был бы сейчас рядом, ведь им троим почти удалось уйти.

Вдвоем с Петронием они тогда вытащили бесчувственного гаруспика с отмели и уложили на берегу, а сами, подгоняемые надрывными окриками центурионов и оптионов, влились в ряды защитников острова. Битва была короткой, решительной и яростной – на ограниченном клочке земли, каким был Гептастадион, римских легионеров не сумела бы одолеть никакая армия в мире. Враг, потеряв немалую часть войска, отступил обратно на побережье, и Ромул – окровавленный и основательно потрепанный – вернулся к отмели, где положили Тарквиния.

На берегу гаруспика не обнаружилось: на месте, где он лежал, виднелся лишь кровавый отпечаток тела. Спешные поиски тоже ничего не дали – свет маяка и сполохи пожара освещали берег неровно, оставляя в тени закоулки между валунами, где можно укрыться.

Разыскивать Тарквиния было некогда: Ромулу (почти не удивленному его исчезновением) для этого пришлось бы сбежать из войска, но оптион, разозленный потерей новобранца, приказал день и ночь не спускать с Ромула глаз, а следующим вечером всю александрийскую армию Цезаря уже грузили на триремы, отправлявшиеся вдоль берега на восток. Ромул, в совершенном отчаянии, пытался ободрить себя хотя бы надеждой на то, что Фабиола расслышала его слова и вскоре даст о себе знать, – однако и это утешало лишь отчасти.

Проглотив урок, преподанный ему египтянами, Цезарь отплыл из столицы, чтобы объединиться с союзниками, которых возглавлял его испытанный сторонник Митридат Пергамский – тезка царя, в свое время испытывавшего Рим на прочность. Войско Митридата, состоящее из иудейских и сирийских солдат, успело наткнуться на главные силы египтян под командованием юного царя Птолемея и его помощников, и после первого отступления Митридат послал за помощью к Цезарю. Тот был только рад вырваться из тесных улочек Александрии, к восторгу своих легионеров – за понятным исключением Ромула, угрюмости которого

не рассеяла даже головокружительная победа над египтянами, смерть тысяч вражеских солдат и гибель захлебнувшегося в волнах египетского царя.

Обретя власть над Египтом, Цезарь вернулся в Александрию – и в объятия Клеопатры: ее, царскую сестру и давнюю свою любовницу, он теперь собственной властью возвел на египетский трон. Ромула это, правда, мало заботило – по-прежнему безутешный, он возобновил поиски Тарквиния. Однако со дня битвы в гавани минула не одна неделя, и любые следы, даже если они были, успели затеряться: не так-то легко отыскать человека в миллионном городе. Ромул, вопреки разуму, в надежде на невероятное вновь и вновь шел в храмы и на торжища, тратя занятые у товарищей деньги.

Тщетно.

Через два месяца, когда войско покидало Александрию, Ромул задолжал legionерам чуть ли не годовое жалованье – и мог утешаться лишь тем, что перепробовал все средства и сделал все возможное.

К реальности его вернул рев букцин, возвещающих о приближении врага. Войско тут же замерло на месте, фашины с шумом попадали наземь. Ромул взглянул на крайнюю шеренгу, где стоял Петроний; бегство от египтян, когда Ромул спас Петронию жизнь, сделало их друзьями – Петроний даже помогал в поисках Тарквиния, за что Ромул был ему до сих пор благодарен.

– Что-нибудь видишь? – спросил Ромул.

Легионеры жадно вглядывались в даль, пытаясь угадать причину остановки, – после многомесячного бездействия солдаты жаждали битвы.

Стремясь утвердить свое господство над подвластными Риму территориями, Цезарь успел наведаться в Иудею и Сирию. Местные владыки, уstraшенные одним лишь присутствием легионов, из кожи вон лезли, чтобы заверить Рим в своей преданности, и не скупились на обильные подношения. Дальше войско мирным маршем двинулось к побережью Малой Азии, в Киликию.

Оттуда Цезарь повернул к Вифинии и Понту, где правил неумный царь Фарнак, унаследовавший воинственность от отца – великого Митридата, «понтийского льва», двадцать лет назад угрожавшего Риму. Пока Цезарь с армией выбирался из александрийской блокады, Фарнак собрал войско и бешеным натиском двинулся на Кальвина, командующего римскими силами в Азии, – изрядно потрепав его легионы, неутомимые воины Фарнака принялись кастрировать всех римских граждан, попавших им в руки.

Потому-то Ромул с соратниками и оказались сейчас на севере Понта, в окруженной крутыми склонами долине под палящим утренним солнцем. Цезарь обид не прощал, а уж легионеры, месяцами не выдавшие даже мелкой стычки и не находившие себе места от скуки, были только рады, что Фарнак, все униженнее предлагавший Цезарю мир, так и не добился ответа. И теперь, выслеживая его армию, легионеры жаждали битвы – и пусть Цезаревы враги в Африке и Испании, ратующие за Республику, пока подождут. Да и политические круги в самом Риме – тоже.

Узнав, что вражеский лагерь раскинут у Зелы, Цезарь спешно перебросил легионы на север от побережья, преодолев двести миль меньше чем за две недели. Марш напомнил Ромулу о последних днях его судьбоносного похода с армией Красса – с той очевидной разницей, что Цезарь, в отличие от своего прежнего союзника, был гениальным полководцем, виртуозно умевшим избегать поражения и гибели. Катастрофы, вроде разгрома при Каррах, ему явно не грозили, да и служить под его началом было легко.

По пути к Понту войско миновало Галатию, которой правил воинственный Дейотар, давний союзник Рима. В битве при Фарсале он выступил на стороне Помпея, за что позже испросил у Цезаря помилования, и теперь его знаменитая конница и десять когорт пехоты, вышколенные по римскому образцу, присоединились к трем Цезаревым легионам. Галатские воины,

славящиеся преданностью и отвагой, пришлось римлянам как нельзя более кстати – потрепанное битвами войско отчаянно нуждалось в пополнении.

К Зеле объединенная армия подошла лишь вчера и сразу разбила лагерь к западу от города. Галатские всадники Дейотара тут же отправились на разведку и вскоре доложили, что войско Фарнака стоит несколькими милями севернее, отрезав дорогу к понтийской столице, Амасии. Выбор был явно неслучаен – именно в этом месте армия Митридата некогда разгромила многочисленное римское войско. В глазах легионеров это был дурной знак, однако паниковать никто не думал: со временем и сам Митридат был вынужден покориться мощи Римской республики.

– Вижу! – крикнул Петроний, торжествуя, указывая на холм чуть в стороне. – Вон там!

Затягивая ремень под подбородком, Ромул взглянул на плоский холм по другую сторону от почти высохшей реки и различил на вершине очертания палаток. Ветер донес дальше конское ржание и оклики часовых, у палаток замельтешили фигуры, и вскоре все перекрыли звуки военной тревоги. Легионеры оживились: нагрянув неожиданно, они явно застали армию Фарнака врасплох.

Разгадав тактику Цезаря, Ромул усмехнулся. Еще гладиатором на арене он понял, что для успеха в бою главное – знание противника, готовность к схватке и умение пользоваться удобным случаем. Цезарю, несомненно, по всем трем пунктам не было равных. Приказ каждому легионеру нести по фашине вызвал кое у кого ропот, но всерьез никто не возражал – и теперь сложенные вместе фашины станут основой защитного укрепления.

Интересно, что еще у Цезаря на уме... Сейчас римляне стояли на восточном берегу речушки, вдоль которой пролегал весь их путь от Зелы в сторону Амасии. Как и ручей, который бежал к ней от занятого врагами холма, речка была слишком мелководной, чтобы защитить понтийцев: легионерам не составило бы труда перейти оба потока вброд. Чуть впереди долина резко расширялась буквой «Т», ручей тек по левой ложбине. Дорога вела дальше, строго на север, через холмы: идти по ней – значит подставиться под фланговый удар. Впрочем, не для того Цезарь сюда шел, чтобы уклоняться от битвы...

– С холма их не выкурить, – объявил Петроний. – Только и ждут, чтоб мы принялись карабкаться вверх по склону.

– Цезарь не дурак туда лезть, – заметил легионер из соседней шеренги. – Даже ночью, даже к сонным.

По рядам пробежал смех, кто-то согласно закивал.

– Вон на той вершине позиция ничуть не хуже, чем у Фарнака. – Ромул махнул рукой в сторону левого склона, солдаты обернулись посмотреть.

Долины между холмами, преграждающие легионам путь к врагу, могут защитить и римлян – обе армии тогда окажутся в равной позиции. При Фарсале, перед битвой с Помпеем, легионы Цезаря так выжидали целую неделю.

– Значит, переть фашины еще и в гору, демон их побери! – прорычал сзади чей-то голос.

– Дурак! – рявкнул Петроний. – Да ты им порадуешься, когда понтийцы в бой полезут!

В строю заулюлюкали, незадачливый легионер примолк. Веселье, правда, тут же прекратилось – взревели букцины.

– Кру-гом! – раздался крик центурионов. – Стройся! Лицом на запад!

* * *

Не прошло и часа, как римская армия, достигнув вершины холма, взялась за дело. Половина галатской пехоты и всадники рассредоточились, образовав заслон, остальные принялись окапывать лагерь рвом. Из вынутого грунта и фашин тут же строили защитный вал выше чело-

веческого роста – длительных атак он не выдержит, но на первое время защитит. Пока римляне возводили переднюю и заднюю его стены, солдаты Дейотара трудились над боковыми.

Через некоторое время в долине показался караван мулов, нагруженных палатками и прочей поклажей, – то, что обоз оставили позади, означало лишь одно: приказа к наступлению можно ждать в любой миг. Ромул уже знал этот обычай Цезаря. «Застать противника врасплох – значит наполовину победить», – пробормотал Ромул, спускаясь со всеми к подножию холма, чтобы вывести мулов наверх. Непонятно только, как эта истина поможет против понтийцев.

Враг наблюдал за легионами весь остаток дня. Всадники сновали вверх-вниз по противоположному холму, разнося вести и приказы союзникам Фарнака по всей округе. Конница Дейотара то и дело наведывалась к понтийским укреплениям, стараясь вызнать побольше; вражеские всадники тоже рыскали чуть не вплотную к римским позициям. К сумеркам стало ясно, что понтийское войско превосходит легионеров втрое. Помимо отличной конницы и многочисленной пехоты, Фарнак располагал силами, которых у Цезаря и в помине не было: фракийские пельтасты, туреофоры, иудейские застрельщики, родосские пращники, тяжелая конница по образцу парфянских катафрактариев, многочисленные серпоносные колесницы. Равнинный бой не принесет римлянам победы, лезть на защищенные укрепления бесполезно – мысли Ромула путались, душу грызли сомнения...

В пылающих лучах закатного солнца четко виднелись фигуры римских часовых на земляном валу – удвоенная на ночь стража не даст врагу напасть неожиданно. Остальные солдаты Цезаря, сидя у кожаных палаток, запивали жесткие походные лепешки кислым вином – ацетумом. Петроний и еще шестеро легионеров из одного с Ромулом контуберниума перебрасывались шутками у своего костра. Несмотря на обилие новых приятелей, Ромул чувствовал себя одиноко, ему было не по себе – сильнее прежнего хотелось вернуть времена, когда еще не погиб Бренн, не сгинул Тарквиний...

Ромул вздохнул. Думай не думай, ничего не изменишь. Даже Петроний, которому он без малейших сомнений доверил бы жизнь, не должен знать правду о его прошлом. Впрочем, сегодня Ромула не так уж тянуло вспоминать о том, что он рожден среди рабов. Одолевали другие мысли – он никак не мог привыкнуть к презрительным усмешкам, с какими солдаты Цезаря говорили о противнике, к их уверенности в близкой победе над гигантской армией Фарнака. Слишком уж похоже на настрой, царивший в войске Красса перед битвой при Каррах...

Однако проговориться о прежнем опыте значило навлечь на себя беду: в лучшем случае объявят лжецом, в худшем – дезертиром. Оставалось помалкивать и верить в полководческий талант Цезаря.

* * *

Следующее утро выдалось погожим и ясным, занимался солнечный день. Привычно запели трубы, пробуждая лагерь от сна, – походный распорядок оставался прежним даже в двух шагах от неприятеля. После легкого завтрака почти всех солдат отправили укреплять вал вокруг лагеря: земляная насыпь с фашинами могла защитить лишь на одну ночь, для серьезной обороны она не годилась.

Работа закипела. Наружную часть вала окружили заостренными кольями, оставив место для обхода часовых, тут и там неровными рядами вырыли глубокие ямы, на дно которых побросали триболы – железные шарики с острыми шипами. Земля, которую усеяли осколками крупных камней, разбитых молотами, напоминала ощеренную пасть исполинского демона. Ромул поразился, узнав, что в Алезии такие же укрепления – к тому же двусторонние – тянулись на целых пятнадцать миль.

Перед лицом грозного врага, уже знающего вкус победы над Римом, такие приготовления никак не казались лишними. Да и само место, где Митридат некогда разгромил римское войско, не обнадеживало – победу в таких условиях добыть непросто.

На площади посреди лагеря уже установили баллисты – двухплечевые катапульты, которые во время похода везли разобранными; теперь они были обращены к северу, где виднелось войско Фарнака. Снарядами для них обычно служили крупные камни, на добывание которых сейчас отрядили две группы легионеров с мулами. Метательные орудия, пожалуй, составляли единственное преимущество Цезаря, урон от них бывал немалым – Ромул еще хорошо помнил разрушения, причиненные врагу баллистами Забытого легиона в последней битве.

Воспоминания отозвались сожалением и чувством утраты, следом Ромула привычно захлестнула благодарность. Не пожертвуй собой Бренн, Ромул бы тогда не выжил... Горечь усиливалась и недавней виной из-за потери Тарквиния, впрочем Ромул тут же вспомнил, что в египетскую столицу они угодили именно стараниями гаруспика, и вина слегка приутихла. Каждый сам выбирает судьбу – и Тарквиний не исключение.

От яркого солнца мрачные думы мало-помалу развеялись. Двадцать восьмому легиону, к счастью, выпало нести стражу, образовав защитную цепь перед лагерем. Часть галатской конницы Дейотара тоже стояла в обороне, большинство же всадников, разделившись на отряды, продолжали разведывательные рейды по округе. Довольные, что им не приходится тяжело трудиться под палящим солнцем, легионеры Двадцать восьмого со смехом поглядывали на менее удачливых товарищей, пряча улыбки в кулак, чтобы не заметили командиры.

Чуть погода Ромул взглянул на расположение противника:

– Клянусь задницей Юпитера! Враг выступил!

Петроний громко выругался. Из-за понтийских укреплений на противоположную сторону долины лился поток воинов, тут же строившихся в боевой порядок. Клинки блестели под лучами рассветного солнца, воздух наполнился скрипом колесниц и командными окриками. Вскоре стало ясно, что из лагеря выступила вся армия Митридата.

Римские командиры не теряли времени:

– Сдвинуть ряды! Поднять щиты!

Легионеры, перехватывая дротики поудобнее, выполнили приказ. Несмотря на крутизну холма, занятого римлянами, наступление врага могло оказаться опасным. Паниковать, правда, не стоило – пока понтийцы спустятся со своего холма и пересекут равнину, пройдет немало времени, остальные легионеры успеют влиться в защитный строй.

– Прямо как на параде, – презрительно сплюнул Петроний. – Не иначе как Фарнак решил убедить своих, что они непобедимы.

– А может, он добивается, чтобы Цезарь отрядил больше солдат в оборону? – предположил Ромул.

Петроний нахмурился:

– Чтобы мы бросили возводить укрепления?

Ромул кивнул. Если все легионеры будут защищать лагерь, строить его будет некому.

– Скорей всего, хвастает армией. Мол, римляне тут никого не запугают, – проворчал Петроний. – Понтийцев ведь больше, чем нас.

Ромул улыбнулся: легионеров всегда отличала незаурядная сила духа.

Теперь, разом обернувшись к лагерю, друзья ждали, чем ответит главнокомандующий. В тот же миг на валу появилась фигура в алом плаще, сопровождаемая старшими командирами и трубачом, и по войску прокатился приветственный клич – Цезарь, оглядывая противника, намеренно избегал скрываться и только притягивал к себе взгляды. Подняв руку к глазам, он долго смотрел вдаль, изучая войско Фарнака.

Ромул последовал его примеру. В первых рядах он различил пращников и лучников – они обычно начинали наступление и старались нанести врагу урон посущественнее. За ними, в

центре войска, располагались боевые колесницы, дальше следовали тысячи пельтастов и туре-офоров, выстроенные плотным четырехугольником. На левом фланге виднелась понтийская тяжелая конница, на правом – беспорядочная толпа легковооруженных фракийских всадников.

– Лопни мои глаза, если это не боевой порядок, – буркнул Ромул.

– Он и есть, – прорычал Петроний, обводя строй подозрительным взглядом. – Фарнак вышел на битву.

Захваченные зрелищем, друзья не сводили глаз со всадника на великолепном черном жеребце, под громкие клики выехавшего из ворот лагеря; позади теснились облаченные в кольчуги воины на скакунах, почти не уступающих царскому. Ожидавшее войско разразилось восторженными криками, звук мечей, ударяющих в щиты, смешался с кимвальным звоном и грохотом барабанов – понтийцы, как и воины любой армии, ликовали при виде повелителя. Выехав на середину, Фарнак надолго задержался перед строем колесниц, давая наставления перед боем, чем вызвал еще большее беспокойство Ромула. К тому времени, как царь объехал все войско, звуки по ту сторону долины стали чуть ли не угрожающими.

– Пусть орут, – презрительно процедил Петроний. – Нам-то что?

Цезарь, на которого Ромул метнул тревожный взгляд, стоял по-прежнему неподвижно, и Ромул с облегчением выдохнул – такого полководца ничем не взять!

Быстро переговорив о чем-то с командирами, Цезарь повернулся к Двадцать восьмому легиону, не сводившему с него глаз.

– Враг всего лишь хвастает, соратники! – уверенно объявил он. – Тревожиться не о чем, битвы сегодня не будет. Главное сейчас – достроить укрепления.

По строю пронесся облегченный вздох. Цезарь, спрыгнув с вала на площадь внутри лагеря, исчез из виду.

– Не стоять! – раздались голоса командиров. – За работу!

Кирки и лопаты вновь замелькали в воздухе, тут же взревели погоняемые легионерами мулы, на которых везли к лагерю камни для баллист. Из главных ворот вышел землемер, беседуя на ходу с помощником, за ними торопливо семенил раб, сжимающий в руках грому – шест, к которому крест-накрест крепились два прямых древка с болтающимися на концах свинцовыми отвесами; грома служила для прямоугольной разметки при планировке лагеря.

Петроний и прочие товарищи Ромула, успокоенные словами Цезаря, вернулись к разговорам – им, как и раньше, приходилось легче остальных. Оптионы с центурионами на их болтовню почти не косились: если Цезарю нет до этого дела, то им и подавно.

Ромул по-прежнему не сводил глаз с вражеской армии – Фарнак, все еще объезжающий войско, обращался с речами к солдатам. Когда наконец строй разразился долгими ликующими возгласами, Ромул выругался.

– Цезарь не прав, – заявил он. – Враг наступает.

Петроний поглядел на него недоверчиво, однако, бросив взгляд на понтийское войско, тут же посерьезнел. Остальные тоже примолкли.

Фарнак уже успел отъехать к флангу, освободив путь прашникам и лучникам, которые первыми двинулись вниз по склону. За ними, громко скрипя осями, последовали серпоносные колесницы, с краев на рысях скакали тяжелая конница и фракийские всадники, строй замыкали пельтасты и остальная пехота. Больше всего Ромула заботили понтийские колесницы и мощная конница, поддерживающая их с обоих флангов. Если армия Фарнака последует безумному решению атаковать холм, где обосновались римляне, то отбивать целое войско понтийцев придется одним легионерам – большинство всадников Дейотара еще не вернулись.

Вскоре колесницы и конница ревущей волной низверглись к подножию противоположного холма – и легионеры Двадцать восьмого затаили дыхание, ожидая развязки: свернет ли враг в долину или двинется вверх, к римским позициям?

Ромул с облегчением заметил, что оптион, как и центурионы, теперь тоже следит за вражеским войском – хотя и без особой тревоги. Неудивительно, решил Ромул, какой ненормальный полезет атаковать снизу вверх? И все же он нахмурился, подозревая, что выступление вражеской армии – не просто маневр. Не мешало бы подготовиться, предупредить Цезаря... Неужели командиры верят в него так слепо, что не замечают происходящего?

Передние прашники и лучники попрыгали в реку, подавая пример остальным. Держа луки и пращи повыше, они без труда перешли на другой берег, не теряя из виду римский лагерь. Лошади, которых понуждали идти в воду, беспокойно ржали, однако тяжелая конница преодолела поток слитным строем, не нарушив рядов, фракийцы же переправлялись беспорядочной гогочущей толпой – от нерегулярного войска Ромул другого и не ожидал. Вслед за ними с плеском и грохотом по дну прокатились колесницы: вода стояла не выше колена, колесницы шли спокойно. На плоском берегу понтийские солдаты быстро восстановили прежний порядок. Теперь все смотрели наверх; командиры, указывая цель, выкрикивали команды.

– Они что, идиоты? – выдохнул Петроний.

– Как сказать, – мрачно отозвался Ромул.

Последние отставшие всадники влились в строй, над рядами колесниц пронесся грозный клич, охвативший все войско, – и понтийская армия, как один человек, двинулась вперед. На холм.

– Клянусь Юпитером! – взревел Петроний. – Свихнулись они, что ли?

Центурион, командовавший их отрядом, наконец ожил.

– Враг наступает! – закричал он. – Трубить тревогу!

Подняв инструмент к губам, ближайший трубач выдал короткую мелодию из резких повторяющихся нот – и Двадцать восьмой легион тут же пришел в движение: командиры принялись формировать когорты в сомкнутый строй, стараясь дотянуть его краями до соседних, всадники Дейотара – которых набралось едва ли с сотню – нервно сгрудились вместе. К легионерам, соорудившим валы и рвы, потянулись тесные шеренги тех, кто спешно поднимался со склона: предвараемые командирами, солдаты устремлялись в лагерь и бросались вооружаться щитами и пилумами.

Медленно, пронеслось в мозгу Ромула, слишком медленно...

Основная часть Дейотаровой конницы – призванной дать легионерам защиту, которой теперь так не хватало, – до сих пор не появилась. Тем легионам, что уже добрались до лагеря, нужно найти доспехи, вооружиться и выйти к месту боя – на все потребуется не меньше получаса. За это время Двадцать восьмой перебеют. Окинув взглядом своих, Ромул заметил на лицах то же замешательство. И все же легиону надо выстоять: если они не прикроют остальных, захваченное врасплох римское войско тоже обречено на гибель.

Беззаботный настрой, царивший все утро, разом испарился: необременительное несение караула оборачивалось смертельной опасностью. Притихнув, легионеры наблюдали за понтийским войском, которое медленно, чтобы не измотать коней, взбиралось по склону холма. По прежним войнам с Римом воины Фарнака уже знали, что римские дротики бьют не дальше чем шагов на тридцать или, как сейчас с холма, на сорок и что если баллисты по-прежнему остаются в стенах лагеря, то можно спокойно двигаться вперед. И у понтийской конницы перед атакой будет вдоволь времени, чтобы выстроиться в боевой порядок. У Ромула при этой мысли мгновенно пересохло в горле.

В рядах Двадцать восьмого повисло напряженное молчание, лишь доносились грозные крики из лагеря, где в спешке готовилось к бою остальное войско. Шесть центурий по восемьдесят человек сольются в когорт, десять когорт составят легион: процедура отработана, нужно лишь время. Что толку вести в бой неготовую армию – разумный полководец на это не пойдет. Значит, Ромулу с товарищами надо продержаться.

Вскоре до врага оставалось не больше двухсот шагов, Ромул уже мог разглядеть пращников и лучников: одетые в простые шерстяные туники, те походили на наемников, с которыми он бился в Египте. У каждого пращника кожаная сумка со снарядами и две пращи – для ближних целей и для дальних, одна из пращей пока обмотана вокруг шеи. У многих ножи. Лучники в белых туниках вооружены основательнее: изогнутый лук и меч на красном кожаном поясе, кое на ком шлемы и кожаные или холщовые панцири. Такие отряды сильны и в ближнем бою, и на расстоянии полета стрелы, когда они осыпают врага стрелами и камнями.

Ромул, впрочем, не сомневался, что плотному строю римских щитов такой натиск нипочем, – главной опасности надо ждать от колесниц, поддерживаемых с обоих флангов тяжелой конницей. Конечно, он помнил, что при Гавгамелах колесницы с серпами, выдвинутые против армии Александра, не спасли персидское войско от сокрушительного поражения, и все равно на душе было тревожно: легионеров, в отличие от солдат Александра, не учили воевать против колесниц. Каждую из них влекла погоняемая возничим четверка коней, защищенных броней, а у концов постромок и по обе стороны колеса торчали изогнутые клинки длиной в руку, не оставляющие на пути ничего живого.

К тому же рядом с теми давними персидскими колесницами не шла тяжелая конница, как у понтийцев: здешним всадникам ничего не стоило обойти римлян с флангов и отрезать путь к отступлению. Ромула охватил ужас от одного воспоминания о парфянских катафрактариях: идущие сейчас в атаку всадники в конических железных шлемах и чешуйчатых панцирях до колен, с длинными копьями в руках, как братья, походили на закрытых доспехами воинов, с такой жестокостью разметающих некогда легионы Красса. В кольчужные нагрудники и набедренники, закрывающие коней, било солнце, отбрасывая слепящие блики на лица римлян.

Угрозу, исходящую от армии Фарнака, чувствовал не один Ромул: стоящие рядом с ним легионеры все больше мрачнели, однако держали строй. Счастье, что им не выпало быть при Каррах, как Ромулу, иначе при виде такого врага многие неминуемо кинулись бы спастись бегством. Ближайший оптион взглянул на центуриона, тот неловко крякнул.

– Гляди веселей, ребята, – объявил он. – Продержимся, дело недолгое. Цезарь мешкать не будет.

– Пусть только попробует, – заметил Петроний.

По рядам пронесся нервный смешок.

На дальнейшее времени не оставалось: понтийские пращники и лучники разразились первым залпом. Как и при начале любой битвы, сотни камней и стрел, затмевая небо, полетели во врага, чтобы уничтожить побольше солдат еще до начала главной атаки. Ромул, хоть и прикрытый прочным щитом из нескольких слоев твердого дерева, обтянутых сверху кожей, невольно сжал челюсти чуть не до хруста.

– Первый ряд, на колени! – слышались крики командиров. – Остальным – поднять щиты!

Сотни skutumov, грохнув друг о друга, взлетели вверх; передняя шеренга вместе с Ромулом и Петронием, по-прежнему держа щиты перед собой, опустилась на колени. Теперь первый ряд солдат был полностью скрыт за вертикальной стеной собственных щитов, над которыми наклонно держала щиты вторая шеренга. Skutumy задних шеренг лежали горизонтально над головами. Ромул улыбнулся: Цезарь использовал тот же прием, которым Забытый легион некогда защищался от парфянских стрел, – прием более надежный, чем традиционная оборона, когда передняя шеренга остается стоять и враг прицельно бьет по незащищенным голеним, выводя из строя больше солдат.

После секундной паузы воздух наполнился гулом – стрелы полетели к земле. Еще через миг с громким стуком посыпались камни. Ромул застыл в напряжении, уже зная, каким будет следующий звук, ненависть к которому не притупляется временем. Людской вопль в первые

мгновения атаки всегда страшнее, чем позже, в ярости боя, в угаре схватки один на один, среди кровавого месива битвы.

Вопль не заставил себя ждать – сдавленные крики боли понеслись со всех сторон. Солдаты оседали на землю от смертоносного древка, проникшего в тело сквозь щель в плотной стене skutumov, нередко стрелы пронзали щиты насквозь, вонзаясь в лица и руки. Камни, обычно отскакивающие от skutumov, все же находили мишень, оставляя после себя перебитые кости и смятые шлемы. При гигантском количестве камней и стрел потери неизбежны: тут и там валились в грязь воины, выпуская оружие из ослабевших рук.

Мечта Ромула вернуться в Рим меркла на глазах. Тревожно вглядываясь в плотные ряды врагов, он вновь, как всегда, молил Митру о помощи.

Молились любимым богам и остальные.

Выполнив положенное, пращники с лучниками отошли назад – настал черед колесниц. Ромул насчитал не меньше полусотни: вполне хватит, чтобы смять основную часть Двадцать восьмого легиона, пока понтийская тяжелая конница вместе с фракийцами будет обходить с тыла. Положение делалось серьезным, если не отчаянным, – однако ни солдаты из других легионов, ни Цезарь так и не появлялись.

Возницы, подобрав поводья, уже пустили коней рысью, стали видны доспехи – чешуйчатые панцири, пластинчатые наручи и шлемы с гребнем, похожие на римские. Плетки с длинной рукоятью то и дело хлестали коней, которые после необременительного, намеренно медленного подъема теперь легко неслись галопом, увлекая колесницы на врага. При всей крутизне склон оказался довольно сглаженным, кони стремительно набирали скорость – бряцала колесничная упряжь, грозно сверкали вращающиеся клинки на колесах. Конница на флангах под боевые возгласы отделилась от колесниц, готовая взять римлян в тиски; сзади поспевали тысячи пельтастов и туреофоров с оружием наготове – их черед придет в конце, когда разметанное колесницами и конницей вражеское войско нужно будет держать врозь, не позволяя ему объединиться.

Легионеров обьял осязаемый страх – Двадцать восьмой вновь дрогнул, несмотря на ободрения и угрозы командиров. Центурионы шагнули в первые ряды, знаменосцы взметнули древки выше – миг был удержан, строй остался стоять. Надолго ли... Солдаты обменивались тревожными взглядами, судорожно бормотали молитвы и оглядывали небо в поисках знака. Всем грозила неминуемая смерть – под серпами колесниц или от мечей всадников. Гадес его побереи, где носит Цезаря?..

Когда наконец послышался приказ центурионов задним рядам обернуться и встретить врага, Ромул пожалел, что нынешнее войско не вооружили длинными копьями, какими бился Забытый легион, – против них не устояла бы никакая конница. Теперь же у каждого был лишь skutum, меч да пара дротиков. Сердце не отсчитает и двадцати ударов, как спереди на римлян налетят колесницы, в тыл ударят сотни тяжелых всадников, а уж пехота довершит начатое. Ромул в сердцах сплюнул. Оставалось надеяться, что, пока они будут гибнуть, Цезарь успеет собрать прочие легионы.

Между плотным строем колесниц и передними рядами римлян оставалось меньше сотни шагов. Отступать было некуда – либо гибни под копытами коней, закованных в броню и летящих в бешеной скачке, либо тебя перережет серповидными клинками, торчащими по сторонам. Возницы откровенно ухмылялись: они тоже знали, что римлянам не уйти, и лишь скорее гнали коней.

– Готовь пилумы! – взревели центурионы.

Охваченные страхом солдаты послушно откинули назад правую руку, готовые к удару.

Коня неслись навстречу, мотая головами вверх-вниз, ноздри раздувались от напряжения, копыта колотили по твердой земле, бряцала упряжь. Ромулу даже мерещилось жужжание серповидных клинков, вращающихся на колесах.

Полсотни шагов – и колесницы налетят на строй. Время растеклось, слившись в один долгий миг. Взвился в воздух камень, попавший под колесо, от удара возница упал, колесница опрокинулась, ее занесло на соседнюю – и когда обе остановили безумный бег, хриплый ликующий крик пронесся над римским строем. Остальные колесницы это, конечно, не остановило. За спиной у Ромула кто-то проклинал несчастливую судьбу, Цезаря и всех богов, кто-то подвывал от страха. Петроний, держа дротик в нетерпеливо занесенной руке, переступил с ноги на ногу.

Двадцать пять шагов, уже можно разглядеть щетину на лице первого возницы, – самое лучшее расстояние для пилумов, не упустить бы единственный шанс проделать дыру во вражьем войске... Ромул оглянулся на центуриона, уже открывающего рот, чтобы отдать команду, – как вдруг кусок свинца, пущенный напоследок кем-то из пращников, угодил центуриону прямо в лоб: более точного попадания Ромул в жизни не видел. Треск, с которым сгусток металла проделал дыру в черепе, не оставлял сомнений в том, что рана смертельна, – центурион и вправду мгновенно осел на землю без единого звука, так и не отдав приказа выпустить дротики.

Ромул бешено вращал головой, высматривая оптиона, но тот вместе с тессерарием, по обыкновению, стоял позади строя, следя, чтобы никто не пустился бежать.

Остальные центурии, сколько видел Ромул, уже бросали копья – длинные, в человеческий рост, древки венчал пирамидальной формы железный наконечник, который прошивал щиты и броню, доставая до тела. Взлетая в небо стройными стаями, они падали на колесницы, пронзая возниц смертоносными наконечниками, и кони, не чувствуя направляющей руки, неслись без дороги, сталкивая колесницы бортами. Впрочем, на трех колесницах, летящих на Ромула с товарищами, возничие благополучно уцелели, все трое теперь злорадно сложились.

За ними на римский строй неслись тысячи пельтастов и прочей пехоты.

Цезарь по-прежнему не появлялся.

Глава IV

Храм Орка

Лупанарий, Рим

Йовина не уловила слов Сцеволы, обращенных к Фабиоле, однако тут же, пользуясь заминкой, метнулась к ее плечу.

– Это новая хозяйка заведения, – мстительно провозгласила она, не скрывая злобы. – Сегодня оформляем сделку.

Значит, старая карга уже решила, пронеслось во взбудораженном мозгу девушки.

Сцевола вздернул бровь:

– Стало быть, с этой сучкой мне и разговаривать?

– Ты знаешь Фабиолу? – Голос хозяйки, миг назад такой победительный, смутенно дрогнул.

– Скажем, у нас есть некий... опыт общения, – ухмыльнулся фугитиварий. – Да, красotka?

Его подручные – гнилозубые, с перебитыми носами и заросшими щетиной физиономиями, откровенно пилились на Фабиолу. Йовина сочла за лучшее раствориться в тени.

Щеки девушки пылали от бессильного гнева. Жестом остановив разъяренных Секста и Веттия, она прикидывала исход: шестеро против двоих – или если она сама ввяжется в драку, то против троих. Шансы никак не безнадежные, но затевать ссору со Сцеволой не хотелось: у нее есть дела поважнее, чем выяснять отношения со злобным подонком. Правда, и уйти сейчас тоже нельзя.

Фугитиварий тем временем разглядывал Фабиолу – испугалась ли, сильно ли?

Не дождется. Надо выбить его из колеи, начать первой.

– Ты, грязный выродок, – прошипела она. – Здесь моя собственность, пошел прочь! Сейчас же!

Сцевола не шевельнулся.

– Когда сорок рабов за спиной, как в тот раз, – оно проще, да? – хохотнул он. – Значит, Йовина не соврала. Отлично. С такой хозяйкой иметь дело даже приятнее, чем со старухой.

– Это мы еще посмотрим, – бросила Фабиола, пытаясь унять бешено стучащее сердце и припоминая на ходу прежние пристрастия Сцеволы. – На сторонников Помпея сейчас большой спрос – казнят одного за другим.

Фугитиварий казался потрясенным до глубины души.

– Помпея? Я ему не сторонник! – Видя удивление Фабиолы, он с ухмылкой подмигнул. – Мы с ребятами оказываем кое-какие услуги начальнику конницы. Секретные, сама понимаешь.

Надежды Фабиолы пошли прахом: Сцевола, с его обширным опытом предательства, и в этот раз не замедлил переметнуться на другую сторону. Интересно, что за поручения дает ему Марк Антоний – кроме убийств невинных людей в темных закоулках, ничего в голову не приходило.

– А я тебя частенько вспоминал после той встречи. – Сцевола облизнул губы. – Молил богов о новом свидании – и гляди-ка, сбылось! Наконец-то наслушаюсь твоих криков.

Он почесал в паху, и его свита разразилась гоготом.

Фабиоле сделалось дурно, силы разом иссякли. Воспоминания о том, как Сцевола ее чуть не изнасиловал, преследовали ее издавна, как навязчивый кошмар.

Терпение Секста наконец иссякло, он потянул из ножен меч; Веттий тут же поднял дубину. Пятеро молодчиков Сцеволы, не мешкая, ответили тем же, и Йовина с неожиданной

прытью метнулась за угол – лишь оказавшись в относительной безопасности, она выглянула из коридора, как испуганный ребенок.

– Стойте, – приказала своим стражам Фабиола. – Не время.

«Да поможет мне Митра, – мелькнула мысль. – Что делать?»

Противники испепеляли друг друга взглядами, зал вдруг показался слишком тесным для такого обилия оружия. Положение было тупиковым: Веттий с Секстом, стоя у дверей, перекрывали выход фугитиварию с подручными, однако любая схватка кончилась бы потерями для обеих сторон.

Сцевола ухмыльнулся:

– Мы можем и подождать. Хоть целый день. Или вам невтерпех драться?

– Веттий, я здесь!

Никогда в жизни Фабиола так не радовалась голосу Бенигна.

Пригнувшись, страж протиснул мощное тело сквозь входную дверь, сощурил глаза – и уже через миг стоял рядом с Веттием и Секстом, сжимая в одной руке окованную дубину, как у Веттия, в другой – кинжал с широким клинком. Фабиола с облегчением вздохнула: стражи подавляли противника одним своим видом, да и Сексту, несмотря на увечье, воинской сноровки было не занимать.

– Если что, одолеем, – шепнула Фабиола. У Сцеволы с молодчиками явно поубавилось прыти: вступать в драку, в которой из них погибнет половина, а то и больше, им уже не хотелось. – Если освободить им проход, они уйдут. Отходим поближе к Йовине. Держаться вместе.

Стражи подчинились и, прикрывая девушку спинами, отступили вдоль стены к дальнему углу. Противники тут же потянулись к выходу – в зале висела напряженная тишина, накал вражды ощущался чуть ли не кожей.

Сцевола что-то буркнул, его подручные ретировались за дверь – он прикрывал их уход, словно показывая Фабиоле, что не боится ее защитников.

– Мы еще встретимся, – вкрадчиво произнес фугитиварий, отвечивая издевательский поклон, так давно ненавистный Фабиоле. Через миг его окрик, приказывающий отряду поспешить, уже разносился по улице.

Фабиола бессильно прислонилась к стене.

– Подонок хуже некуда, – заявила Йовина из коридора. – Страшно связываться.

– Демон тебя побери! Уж не ты будешь мне об этом рассказывать! – Фабиола не сдерживала гнева. – И как ты шустро доложила ему, что я теперь хозяйка! Сделку оформлять еще и не начинали!

Йовина предприняла жалкую попытку изобразить невинность.

– Бросить бы тебя и уйти! – продолжала бушевать Фабиола. – Сиди в своем дерьме, лучшего не заслуживаешь!

– Нет! – К покрасневшим глазам Йовины подкатили слезы, она умоляюще стиснула руки, голос сорвался в шепот. – Сжался! Я совсем старуха, он меня так запугал...

Фабиола подавила ярость. Доверять старой карге нельзя, но незачем торопить события. Пока Фабиола будет вникать в дела Лупанария, Йовина еще пригодится – тридцатилетний опыт дорогого стоит. Просто надо ее держать на коротком поводке.

– Я тут подумала, – с улыбкой заявила девушка, – что сначала заплачу половину цены, а остальное через двенадцать месяцев. Смотря как дело пойдет.

Йовину перспектива явно не обрадовала, но под железным взглядом Фабиолы хозяйка бессильно сжалась – вряд ли ей кто-то предложит условия лучше.

– Хорошо, – притворно улыбнулась она. – Мне все равно.

– Вот и прекрасно. Пиши купчую.

Йовина послушно проковыляла к столу и отыскала полоску чистого пергамента. Окунув стилус в стеклянную чернильницу, она нацарапала несколько строк, подписалась внизу и терпеливо дождалась, пока Фабиола поставит на пергаменте свое имя.

– Теперь довольна? – вырвалось у старухи.

Взглянув еще раз на документ, Фабиола сунула его в мешочек – она не сомневалась, что условия передачи Лупанария записаны верно, но в терминах права ничего не смыслила, а сделка обязана быть безупречной в глазах закона.

– Я отдам купчую на проверку, – отрезала девушка. – Если мой юрист ее одобрит, деньги получишь завтра.

Йовина, ничего другого не ожидавшая, покорно кивнула.

– В права вступаю немедленно, – объявила Фабиола. – Ты остаешься работать?

Хозяйка раскрыла было рот, однако ее сотряс очередной приступ кашля.

– Здоровье тебе позволит?

– Все в воле богов, – утерев губы, ответила Йовина и выпрямилась. – Если позволишь, я останусь. На время.

Фабиола понимала, что старуха просто пытается сохранить остатки достоинства. Что ж, пусть.

– Хорошо, – деловито бросила она и, жестом отправив Секста на улицу проверить выход, направилась к двери. – Если на то будет воля богов, я найду через два дня.

Йовина благодарно кивнула.

– Все спокойно, госпожа, – донесся с улицы голос Секста.

Фабиола, за плечом которой неотступно маячил Веттий, окинула взглядом шумную улицу – ни Сцеволы, ни его подручных, хвала богам. Тут же, впрочем, нахлынула обреченность: зачем этому подонку преследовать ее в многочисленной толпе, если он знает, что теперь она будет появляться в заведении чуть ли не ежедневно? Фабиолу вновь охватил давний страх – превратить Лупанарий в прибыльное дело она задумывала еще до появления Сцеволы, а сейчас даже одна защита заведения обойдется ей недешево. К стыду Фабиолы, она чуть было не поклялась себе, что больше не вернется: у Йовины нет власти ее остановить, а фугитиварий в дом Брута точно не нагрянет – и все затруднения разрешатся в мгновение ока.

При этой мысли Фабиола пала духом. А ведь перспектива казалась такой удачной, чуть ли не посланной богами... Девушка взглянула на небо в поисках знака – тщетно. Неужели затея с Лупанарием была обречена с самого начала? Отступление казалось трусостью, но при одной мысли о Сцеволе Фабиолу трясло от страха. Что же делать?..

В этот самый миг девушка оступилась на неровной дороге и чуть не упала.

Секст, как всегда начеку, подхватил ее и удержал на ногах. Пока она бормотала благодарность, они встретились взглядами.

– Не тревожься, госпожа, – шепнул раб, заметив страх в ее глазах. – Коль мы пережили былые козни, какие строил нам этот подонек, то боги не оставят нас и сейчас.

Фабиола через силу улыбнулась: Секст прав, их жизни под надежной защитой. Ободренная его словами, она прибавила шаг. Дома еще предстоит разговор с любовником – даже если он и одобрит покупку Лупанария, то уж точно не станет отряжать легионеров в охрану: Бруту по должности положено восстанавливать, а не рушить популярность Цезаря. И все же ей нужна защита от Сцеволы... На миг вспомнился Секунд – ветеран, не раз спасавший ее жизнь, – однако использовать его против Цезаря нельзя: пенсии и земельные угодья, розданные ветеранам, лишь укрепили их верность вождю.

Кроме Секста и привратников, положиться можно лишь на себя. И на любую помощь, которую можно испросить, – помощь не только Юпитера и Митры, ее любимых богов. В Риме есть божества и погрознее. Надо совершить жертвоприношение Орку, решила Фабиола, и от

одной мысли ее объял страх: в любых прежних тяготах она старалась держаться подальше от бога подземного царства.

Теперь пришло время просить его милости.

* * *

Вернувшись домой, Фабиола не застала Брута и очень этому обрадовалась. Она еще толком не пришла в себя, и притворяться было бы выше ее сил: слишком многое еще предстояло обдумать. Прислуга и охраняющие дом легионеры ничего не заметили, ее лицо оставалось непроницаемым. Зато от Доцилозы спрятаться не удастся: их дружба завязалась еще в Лупанарии и с тех пор выдержала не одно испытание. Маленького роста, невзрачная, по возрасту годящаяся Фабиоле в матери, бывшая домашняя рабыня стала для девушки ближайшей доверенной подругой – неудивительно, что смятение Фабиолы не осталось незамеченным.

– Что стряслось? – воскликнула Доцилоза и тут же обрушилась на Веттия, даже не подумав его поприветствовать: – А он-то здесь зачем? Опять старая карга что-нибудь вытворила? – Доцилоза единственная из всех знала, куда ходили Фабиола с Секстом.

– Нет-нет, ничего, – поспешила ее уверить Фабиола. – Йовина больна, одной ногой чуть ли не в Гадесе.

Веттий жизнерадостно кивнул, подтверждая сказанное.

– Плакать не станем, – пожала плечами Доцилоза, ненавидевшая бывшую хозяйку не меньше, чем Фабиола.

– Старая стерва ни на что не годна. – Девушке не терпелось поделиться успехом. – Я вынудила ее продать мне Лупанарий. На моих условиях.

Доцилоза вздернула брови:

– Не нашла ничего лучше? Когда ты оттуда сбегала – возвращаться не собиралась!

– Я и не возвращаюсь, – как можно убедительнее сказала Фабиола. – Теперь я хозяйка! Клиенты на меня не позарятся!

– Как сказать, – ядовито ввернула Доцилоза. – Красивее тебя там никого нет!

Фабиола улыбнулась:

– Для таких случаев есть Веттий с Бенигном. И Секст.

Вспомнив о фугитиварии, она вновь нахмурилась: похотливые купцы и политики – не худшее из того, с чем придется столкнуться.

– Тогда в чем дело? – допытывалась Доцилоза. – На тебе лица нет от страха!

Подбородок Фабиолы задрожал.

– Пока я была в Лупанарии, туда наведалься...

– Кто? Мемор?

Веттий издал то ли рык, то ли стон, Фабиолу передернуло. Холодный, покрытый шрамами ланиста частенько захаживал к ней под конец ее пребывания в Лупанарии. Ответных чувств она к нему, разумеется, не испытывала: Мемор был ценен ей как источник сведений – именно он рассказал кое-что о жизни Ромула после того, как близнецов разлучили. Однако перспектива встречи с ланистой, даже самая неприятная, бледнела по сравнению с угрозой, исходящей от Сцеволы.

– Нет. Еще хуже.

Доцилоза сдвинула брови: кому еще под силу внушить такой ужас всегда бесстрашной Фабиоле? Служанка помедлила, не сводя глаз с мрачного лица девушки.

– Сцевола? – наконец поняла она.

Веттий, не знающий о прежних встречах со Сцеволой, метнул на нее озадаченный взгляд.

Не в силах дольше сдерживать слезы, Фабиола кивнула:

– Теперь он знает, что я новая владелица Лупанария.

Доцилоза нахмурилась:

– Купчая одна или есть копии?

– Я не идиотка. Одна. При мне.

– Юрист ее видел?

– Нет, конечно.

– Порви. Сожги или брось в сточную канаву. Без доказательств Йовине не на что опереться: сделки не было! Останешься тут. – Служанка повела рукой в сторону легионеров, слоняющихся по двору. – За этими стенами тебя Сцеволе не достать.

Фабиола, перехватив страдальческий взгляд Веттия, застыла без слов. Неизвестно, что будет с привратниками, если она раздумает приобретать Лупанарий. Когда Брут ее выкупил, Веттий с Бенигном остались в заведении: Йовина отказалась их продать, и, хотя вины Фабиолы тут не было, она тогда ощущала себя чуть ли не изменницей. Оставить их второй раз в том же положении – значит предать. И еще это значит отказаться от главного желания в жизни. И все из-за Сцеволы.

Фабиола сжала зубы.

Служанка, понявшая все по ее лицу, разом рассвирепела:

– Хочешь добиться своего, чего бы ни стоило? Зачем?

– Тебе не понять, – ровным голосом ответила Фабиола. О ее планах убить Цезаря не должен догадываться никто, даже Доцилоза. – Лупанарий – часть моего будущего.

Глядя на Веттия, просиявшего от радости, служанка нахмурилась. Слезы Фабиолы успели схлынуть, лицо теперь выражало лишь холодную решимость – Доцилоза по опыту знала, что пререкаться с хозяйкой сейчас не стоит.

– Если ты считаешь, что так лучше... – пробормотала она.

– Считаю. – Фабиола расправила плечи. – Завтра я сделаю приношение Орку. А в ответ попрошу смерти Сцеволы.

Служанка побледнела – такие жертвы легко не даются. Просунув большой палец между средним и указательным, она сделала охранительный жест.

– Я не прошу тебя в этом участвовать. – Фабиола не спускала глаз с Доцилозы. – Если ты хочешь оставить службу, я отпущу тебя без разговоров.

– Нет, – твердо ответила служанка. – Если ты так решила, значит на то воля богов. Я с тобой.

– Тогда добудь мне три куска свинца. – Молитвы и проклятия часто писались на маленьких свинцовых квадратиках; тысячи таких пластинок, сложенных текстом внутрь, горожане бросали в римские фонтаны вместе с монетами и прочими приношениями богам. – Ты знаешь, куда идти.

Доцилоза без лишних слов повиновалась.

Отпустив Веттия и пообещав ему скорую встречу в Лупанарии, Фабиола погрузилась в задумчивость. Проклятие Сцеволе нужно сформулировать тщательнее: злобные боги, вроде Орка, часто оборачивают клятвы и обещания в свою пользу – и хотя смерти фугитивария она желала всей душой, добиться ее ценой какой-нибудь изощренной кары Фабиоле вовсе не хотелось.

* * *

Тяжелые тучи, накрывшие город на рассвете следующего дня, грозили затяжным дождем. Боги не замедлили с ответом. К тому времени, как Фабиола собралась выходить, вода лилась с небес сплошным потоком, норовя вымочить до нитки любого, кто осмеливался высунуть нос на улицу; открытый внутренний двор в центре дома походил на бассейн для плавания.

Несмотря на ранний утренний час, тусклый свет казался закатным, над головой рокотал гром, зигзаги молний то и дело освещали вспышками темные улицы. Летнего дня как не бывало.

– Промокнешь и замерзнешь до смерти, – бурчала Доцилоза, помогая Фабиоле завернуться в военный плащ, позаимствованный у кого-то из легионеров Брута. – Или утонешь в Тибре.

– Замолчи, – остановила ее Фабиола, тронутая заботливостью служанки.

Секст, тоже закутанный в плащ, уже ждал наготове, вооруженный мечом и двумя кинжалами. У самой Фабиолы на левом плече под плащом висел кожаный ремень с надежным кинжалом в ножнах. Кинжалом Фабиола владела уверенно – по ее приказу Секст когда-то научил госпожу с ним обращаться, и сегодня воинственно настроенная Фабиола была готова встретить ударом каждого, кто посмеет на нее напасть. Однако ни вера в правильность избранной судьбы, ни решимость завладеть Лупанарием, который должен стать вехой на пути к цели, не спасали Фабиолу от предательского холодка под ложечкой, которым отзывалось каждое воспоминание о Сцеволе.

Опцион, командуемый легионерами Брута, предложил сопровождать госпожу, однако Фабиола, как и вчера, отказалась от охраны: в храме Орка у нее сугубо личное дело, незачем давать другим поводы сплетничать о том, что за нужда ее ведет в такое зловещее место. В отсутствие Брута опциону оставалось лишь принять волю госпожи, и солдаты вздохнули с явным облегчением: соваться под такой ливень никому не хотелось.

– Я с тобой, – заявила Доцилоза, подхватывая плащ с железного крюка на стене.

– Нет, – отрезала Фабиола. – Останешься здесь. Дело касается одной меня. Никого другого. – Заметив обиду, мелькнувшую в глазах служанки, она добавила мягче: – Все обойдется, Нептун нас защитит.

– Да уж, над Римом бушует не иначе как целый океан, – нехотя улыбнулась Доцилоза. Порывисто обняв девушку, она подтолкнула ее к дверям. – Ступай. Раньше уйдешь – скорее вернешься.

Проглотив комок в горле, Фабиола вслед за Секстом шагнула к порогу. Легионер, охраняющий выход, бдительно вгляделся в пронизанный ливнем сумрак и доложил, что все спокойно. Лишь только Фабиола с Секстом перешагнули порог, калитка тут же с шумом захлопнулась – девушке показалось, будто лязгнули ворота Гадеса. Сжав кулаки, она попыталась отогнать суеверный страх.

Легионерские плащи почти не спасали от ливня: не пройдя и сотни шагов, Фабиола с Секстом уже промокли насквозь. Незамошенная улица превратилась в сплошное топкое месиво, в котором ноги вязли по щиколотку, сандалии немедленно залило вонючей коричневой жижей – Фабиола старалась не дышать и не смотреть на дорогу: груды нечистот, скопившихся по краям улицы, смывало дождем в общий поток, от которого не было спасения. Оставалось лишь идти вперед и твердить себе, что отмыться можно и после.

Ливень, впрочем, спасал Фабиолу от лишних прохожих: в лавках, занимающих нижние этажи домов, маячили лишь редкие фигуры, а уличные торговцы, обыкновенно толпящиеся по обеим сторонам узких улиц, не появлялись вовсе: промокший товар никому не продашь. Нищие, воры и калеки тоже отсиживались в арочных проемах или под крышей храмовых портиков. Одни только рабы, несмотря на дождь посланные с поручениями, сновали взад-вперед, как мокрые крысы, да плотными отрядами маршировали тут и там Антониевы дозорные, защищаясь от дождя прижатыми к телу skutumami.

Как и дом Брута, храм находился на Палатинском холме, так что мокнуть пришлось недолго. Настороженно вглядываясь в полутьму, Фабиола с Секстом вскоре уже подходили к незаметной улочке неподалеку от главного Форума. От громады храма, возвышающегося над дорогой, веяло холодом и опасностью, давно пустые соседние дома хмуρο жались один к другому, двери хлопали от ветра, с полусгнивших крыш лилась вода. Торговцы, разносчики еды,

акробаты, фокусники и прорицатели, вечно толпящиеся здесь ради посетителей храма, сегодня не показывались – их зрители и покупатели не рисковали выходить из дому. Фабиолу безлюдье более чем устраивало, да и Секст глядел уверенно: в пустынном месте распознать опасность куда легче, чем в толпе.

На площадке перед святилищем возвышался простой алтарь из внушительного куска гранита, покрытый подозрительными красно-коричневыми пятнами, которые не под силу смыть даже ливню. Стараясь не смотреть на камень, Фабиола двинулась к невысоким – ниже, чем в других храмах, – резным колоннам под узорчатым треугольным портиком, лестницу к которому, судя по виду, никогда не чистили. Полустертая роспись на фронте пестрила демонами и прочими злыми духами – острые рога, высунутые языки, зубастые пасти и груды оружия диковинного вида. Фабиола узнала Харона – синеекожего этрусского демона смерти, крылатого, с массивным молотом в руках. На гладиаторских играх, куда ее водил Брут, она однажды видела, как Харона изображал живой человек, выходивший на арену под крики зрителей, – там его роль была ошутимой и страшной: у Фабиолы до сих пор подкатывал к горлу мерзкий комок при одном воспоминании о молоте, дробящем черепа поверженных бойцов.

Нарисованный над головой Харон вполне мог угрожать тем же, однако его фигура отступала на задний план перед изображением самого Орка в центре треугольного фронтона – суровое бородатое лицо было огромным, размером с телегу для воловьей упряжки. Пронзительные черные глаза сверкали гневом, на заменяющую волосы копну змей было страшно взглянуть: с тех пор как одна из девиц в Лупанарии подложила в постель Фабиоле гадюку, девушка боялась змей до ужаса.

Когда Секст коснулся ее локтя, она чуть не подпрыгнула.

– Входи, госпожа, – поторопил он. – Не ровен час, простудишься под дождем.

Отступать было поздно. Молясь, чтобы ее план не обернулся во вред, Фабиола поднялась по ступеням к входу, Секст неотступно держался у ее плеча. Вдоль рядов желобчатых колонн они дошли до двух высоких дверей, укрепленных железными полосами. У закрытых створок Фабиола в страхе замерла – а что, если вход сторожит сам Цербер, готовый сожрать ее на месте?.. И тут же разозлилась сама на себя: она ведь принадлежит к миру живых, а не мертвых! Собравшись с духом, девушка шагнула к порогу и стукнула кулаком в деревянную дверь.

Никаких отзвуков, кроме шума дождя позади.

Она забарабанила сильнее:

– Откройте! Я пришла принести жертву!

Вновь тишина. Фабиола сдвинула брови – должен же внутри кто-то быть! Храм не отличается от прочих: жрецы и прислужники здесь не только исполняют обряды, но и живут, едят, спят! И сегодня не праздник – значит, храм открыт! Она вновь занесла кулак – но дверь открылась раньше, чем она успела постучать. Фабиола от неожиданности отступила.

В квадрате двери перед ней предстала жрица – молодая, примерно ровесница, в серых одеждах и с заколотыми на затылке длинными каштановыми волосами. Широкое лицо и короткий нос кого-то напомнили, однако испытующий взгляд пронизательных зеленых глаз мешал сосредоточиться.

– Входи, – посторонилась жрица.

Откинув капюшон, Фабиола переступила порог, мысленно моля Митру о заступничестве, – непочтения к Орку в этом не было: обращаться сразу к нескольким богам не считалось странным.

Во внутреннем коридоре, отходящем от дверей в обе стороны, царил сумрак темнее уличного, редкие масляные светильники бросали на голый, замощенный камнем пол длинные тени. В неверных отсветах боги и демоны, нарисованные на стенах, казались живыми – Фабиола поняла, что тщательно продуманная обстановка должна нагонять на посетителей страх прямо с порога. И все же здесь, в святилище Орка – владыки подземного царства, страха было не

избежать: несмотря на решимость, девушку чуть ли не трясло, и она поспешила отогнать подступающий ужас.

– Я хочу обратиться к богу с просьбой. Без лишних свидетелей.

Фабиола разомкнула стиснутые пальцы и показала служительнице три аккуратно сложенных кусочка свинца. Над проклятиями, написанными на них, она просидела несколько часов, тщательно подбирая слова. С появлением Сцевола Цезарь отступил на второй план – все проклятия касались только фугитивария и требовали для него самой жестокой и беспощадной смерти.

Жрица не удивилась. С чем только сюда не приходили: одних снедала ненависть, другие жаждали расплаты за страдания, кто-то мечтал отомстить врагу, возлюбленной или начальнику, – непогода не охлаждала в просителях ни упорства в достижении цели, ни желания избежать чужих глаз.

– Ступай за мной, – велела служительница.

Фабиола с Секстом последовали за ней. В тишине, нарушаемой лишь звуком шагов босоногой жрицы, они прошли мимо череды закрытых дверей – взбудораженная Фабиола попыталась было представить, что происходит в комнатах. Донесшийся из-за очередной двери мужской хор в несколько голосов, произносящих что-то нараспев, никак не успокаивал: слов было не разобрать, зато тягучее пение слишком явно напоминало похоронный плач.

Жрица наконец остановилась. Вытащив из складок одежды ключ, она отперла ближайшую дверь – та отворилась беззвучно, отчего нервы Фабиолы еще более взвинтились. Просторную комнату без окон, выкрашенную в зловещий темно-красный цвет, освещали, как и коридоре, несколько масляных ламп на стенах, голое пространство разнообразила простая печь на квадратной кирпичной подставке в дальнем конце помещения. Щек Фабиолы, замершей на пороге, коснулся теплый ток воздуха, пахло благовониями, взгляду открылось раскаленное жерло с лежащей рядом охапкой дров. По другую сторону от печи стоял небольшой алтарь со статуей Орка.

– Можешь совершить приношение здесь, – промолвила жрица. – Тебе не помешают.

Свинцовые таблички, нервно зажатые в руке, уже чуть не начали сворачиваться по краям – и Фабиола попыталась успокоиться: мало ли как посмотрит бог на ее просьбы, если текст будет смят. Все должно идти как положено – от этого зависит ее жизнь.

Решительно кивнув сама себе, Фабиола переступила порог. Секст вошел следом.

Жрица затворила дверь и, шагнув к алтарю, склонила голову в молитве; Фабиола, толком не зная, что делать, последовала ее примеру. После прохладного коридора и залитых дождем улиц комната напомнила ей калдарий – самое жаркое помещение в банях. Даже ей, привычной к душным толпам в храме Митры, воздух казался слишком густым и тяжелым от курящихся благовоний, а гудящая печь, совсем не похожая на мелкие жаровни в других храмах, и вовсе напоминала о самом Гадесе. Фабиола с усилием подавила страх, – в конце концов, Орк не простой бог: приношения должны полностью сгореть в огне, а для этого печь должна быть мощной.

С именем Орка на устах девушка подняла глаза к изваянию – и встретила непреклонный взгляд бога. «Могущественный владыка преисподней, услышь меня! – взмолилась она. – Мне вновь угрожает Сцевола, моя жизнь в опасности. Он изверг и убийца, он ни перед чем не остановится, без тебя я с ним не справлюсь. Избавь меня от этого сына блудницы, и я буду пред тобой в вечном долгу. Я воздвигну тебе алтарь и каждый год до конца моих дней буду приносить тебе в жертву козленка». В дополнение к молитве Фабиола выложила перед изваянием стопку серебряных монет – и по удивленному вздоху жрицы поняла, что сумму сочли внушительной.

Послышался громкий треск, в печи взвилось пламя, хотя ни Секст, ни жрица не двинули и рукой. Фабиола вытянула шею: пламя ревело, словно раздуваемое кузнечными мехами, – она

даже огляделась, почти ожидая увидеть демона за работой, однако со всех сторон ее окружали лишь багровые стены, давящие, как своды гробницы. В отверстии печи, словно в прожорливой утробе мифического зверя, мелькнули желто-оранжевые языки пламени, и Фабиолу окончательно объял ужас.

– Благоприятный миг, – нараспев проговорила жрица. – Время совершить приношение.

Фабиола, вздрогнув от голоса, порывисто кивнула облаченной в серое служительнице и вновь подумала, что где-то прежде видела это лицо. Впрочем, размышлять было некогда. Подталкиваемая жрицей, Фабиола разомкнула пальцы, открыв ладонь с тремя свинцовыми квадратиками, которые казались спящими и бездеятельными только с виду – как ненависть в сердце Фабиолы.

– Брось как можно глубже, – велела жрица.

Подступив к печи, насколько позволял жар, Фабиола размахнулась и закинула пластинки в огонь – пламя слизнуло их в мгновение ока. Девушка вздохнула: дело почти сделано, однако оставшаяся часть заботила ее не меньше – ей совсем не хотелось получить божественную кару как расплату за совершенное. По римской манере ее приношение делалось с особыми огорками, и сейчас, взвинченная этой мыслью донельзя, она даже не заметила, как мысленная молитва зазвучала вслух.

– Охрани меня от зла, великий Орк, – шептала девушка, не отводя взгляда от бушующего пламени. – Да не испытают несчастья мои близкие – Ромул, Брут, Секст... Бенигн и Веттий... Доцилоза...

Жрица за спиной тихо ахнула, и до Фабиолы наконец дошло, что ее просьбы слышит не только бог.

– Кто это – Доцилоза? – выдохнула внезапно побледневшая жрица.

– Моя служанка. А что?

– Не рабыня? – разочарованно переспросила служительница.

– Бывшая, – в замешательстве кивнула Фабиола, озабоченная тем, чтобы не выдать собственного происхождения. – Шестой год как свободна.

Лицо служительницы озарилось надеждой.

– Сколько ей лет?

– Точно не знаю. Наверное, около сорока.

Все самообладание жрицы разом схлынуло – перед Фабиолой стояла юная девушка с истрадавшимися лицом.

– Кому она принадлежала?

– Йовине. Владелице Лупанария.

– Хвала Орку! – ахнула жрица. – Мать жива!

Настал черед Фабиолы удивляться.

– Сабина?

– Ты знаешь мое имя? – настороженно спросила жрица.

– Доцилоза часто его упоминала, – улыбнулась Фабиола. – С того дня, когда вы расстались, она себе места не находила, искала тебя по всем храмам. Не отчаивалась, надеялась найти.

По лицу жрицы скользнула слабая улыбка.

– Где она сейчас?

– В моем доме. Недалеко отсюда.

Сабина с облегчением вздохнула, однако тут же обрела прежнюю твердость:

– Ты ее хозяйка? Почему? Йовина умерла?

Фабиола едва подавила в себе желание возмутиться допросом – в другое время она никому не спустила бы такой наглости! Однако сейчас не время для бурных сцен, да и судьба Доцилозы ей небезразлична. К тому же Секст и так знает ее прошлое...

– Йовина жива, хотя лишь богам известно, сколько она протянет. Я тоже принадлежала ей, как и Доцилоза.

– Вряд ли ты была домашней рабыней, как моя мать, – фыркнула Сабина.

Ноздри Фабиолы гневно дрогнули. Обычные домашние рабы стоили куда меньше, чем пригожая девственница, потому-то Гемелл и продал ее в публичный дом – и выбора у нее тогда не было.

– Ты права, – ответила она коротко.

Сабина презрительно усмехнулась.

– Будь ты красивее, тебя ждала бы такая же судьба, – бросила Фабиола, задетая высокомерием жрицы. – Благодарю богов, что ты этого избежала.

Сабина, готовая было разразиться отповедью, проглотила обиду:

– Тогда кто тебя купил?

Фабиола вздохнула поглубже:

– Мой любовник предпочел выкупить меня на свободу. Я упросила, чтобы он выкупил и ее тоже.

– С чего бы тебе о ней просить? – Сабина явно чуть смягчилась.

– Доцилоза – моя близкая подруга. Она наверняка захочет прийти с тобой повидаться. Такое позволено?

– Посетителей здесь не привечают, однако есть способы обойти запрет, – осторожно заметила Сабина. – Можно встретиться в такой же комнате для приношений. Лучше утром, когда в храмелюдно, – тогда жрецы не заметят.

– Хорошо, – коротко кивнула Фабиола, стараясь не выказать неприязни. – Я ей скажу.

Она повернулась было к выходу, однако Сабина не собиралась ее отпускать.

– Под таким ливнем в храм идут только с неотложными нуждами, – испытующе заметила она.

– Мои нужды – моя забота, – отрезала Фабиола. – Тебя они не касаются.

– Ты забываешься. Я здесь старшая жрица, ранг позволяет мне знать мысли и желания моего бога.

Разгневанная Фабиола, с усилием сдержавшись, приняла смиренный вид. Высокий ранг в столь юном возрасте – знак того, что Сабина и впрямь обладает немалыми дарованиями. Да и в любом случае злить приближенных Орка не стоит: ведь тогда прошения уж точно не исполнятся.

– Прости, – сквозь зубы процедила она. – Повод довольно мелкий. Неприятности с деловым конкурентом.

– Ты по-прежнему работаешь в Лупанарии?

– Нет, – невольно вырвалось у Фабиолы, и она тут же поморщилась, осознав, как сильна у нее инстинктивная тяга отречься от собственного прошлого. – Да. Я вчера купила его у Йовины.

– Вот оно что, – прищурилась жрица. – Зачем?

Фабиолу начала раздражать непонятная настойчивость Сабины. Уверенный натиск жрицы и боязнь грозного бога не оставляли ей возможности для маневра – не выкладывать же всю правду! Впрочем, почему бы не отделаться полуправдой...

– Мой любовник состоит в армии Цезаря, я больше двух лет сопровождала его в походах. Я устала. Хочу обосноваться в Риме, а управлять Лупанарием – вполне естественное для меня занятие.

– Разумеется, – высокомерно обронила Сабина.

Выцарапать бы ей глаза, этой гордячке... Девушки обменялись ледяными взглядами – от Сабины не укрылся гнев Фабиолы, и она явно наслаждалась зрелищем. Если Доцилоза ее не смягчит, жрица так и останется потенциальным врагом...

– Кто твой любовник?

– Децим Брут.

Сабина подняла брови:

– Один из ближайших сподвижников Цезаря? Должно быть, ты хорошо умеешь... убеждать.

Фабиола безуспешно попыталась согнать с щек досадливый румянец. Демон побери эту девушку... Откуда в ней столько яда? Уж точно не от Доцилозы!.. Взгляд Фабиолы упал на алтарное изваяние, и она вдруг осознала, где находится. Ужасающий Орк, неизменно внушающий трепет, – далеко не Бахус-жизнелюб и не заботливый Эскулап, и даже имена могущественных Юпитера, Минервы и Юноны не вселяют в людей столько страха: никто из них не властен навечно забирать к себе человеческие души. Каково же здесь было Сабине, когда ее, шестилетнюю, продали в храм? Фабиола только сейчас заметила в ее лице жесткость, на которую раньше не обращала внимания. Может, продажа в публичный дом – не единственный путь в Гадес?..

– Как скажешь, – пробормотала она, отступая к выходу.

Поймав ободряющий взгляд Секста, она с трудом выдавила слабую улыбку. Что ж, по меньшей мере допрос прекратился. Фабиола искренне надеялась, что Орка не разгневала ее пикировка со жрицей, – пожалуй, надо будет попросить Юпитера и Митру, чтобы те умилиствовали своего божественного брата.

Сабина не проронила ни слова. Дойдя до порога, Фабиола обернулась: жрица стояла к ней спиной, преклонив колена перед алтарем, – недвусмысленный знак, что разговор окончен. Фабиола пала духом. Не найдя слов для прощания, она просто притворила за собой дверь.

К выходу из храма она шла почти механически, не глядя по сторонам, погруженная в тяжкие раздумья о том, чем может обернуться недоброжелательность Сабины. И хотя впоследствии Фабиола будет не раз казниться тем, что была в тот миг слишком погружена в себя, все же предотвратить дальнейшее было не в ее власти.

В бесконечной череде дверей, выходящих в коридор, распахнулась створка. Фабиола, по-прежнему намеренная остаться неузнанной, не повернула головы – и пришла в себя лишь тогда, когда услышала злобное шипение Секста и звук вынимаемого из ножен гладиуса. Что Секст себе позволяет? Обнажить оружие в храме – значит навлечь на себя гнев бога! Любого, даже несравнимо более доброго, чем Орк! Фабиола обернулась было, чтобы выбрать слугу, – и успела увидеть коренастую фигуру, всаживающую меч в бок Сексту.

Это был Сцевола.

Глава V

Видения

Александрия, Египет

С наслаждением греясь в солнечных лучах, Тарквиний не спеша шел по улице, окаймленной высокими пальмами и узорчатыми фонтанами. Просторная, шагов в тридцать поперек, она втрое превосходила шириной любую римскую дорогу – что впечатляло само по себе, даже если не замечать роскошных зданий, тенистых деревьев и освежающего журчания фонтанных струй. Теперь-то гаруспик наконец поверил в давние толки о великолепии египетской столицы – Канопская дорога, по которой он шел, была здесь не единственной заметной улицей: с нею пересекался такой же пышный главный проспект, и нарядная площадь на их стыке поражала воображение любого, кто попадал в Александрию.

Из пяти частей города ни одна не уступала другим в величии. На севере высились бесчисленные царские дворцы, ближе к центру располагались рукотворный холм, увенчанный храмом Пана на вершине, и Сема – огражденное мраморными стенами пространство с царскими усыпальницами Птолемеев и гробницей Александра Македонского. В западной части, куда направлялся сейчас Тарквиний, находились главные помещения библиотеки и внушительных размеров гимнасий, где юноши постигали греческую философию и закаляли тело физическими упражнениями – борьбой, бегом и метанием копья. Видавший виды гаруспик, мало чему удивлявшийся в жизни, до сих пор помнил, как застыл с раскрытым ртом при первом взгляде на гигантские портики, каждый не меньше стадия длиной, – и какими жалкими показались ему прочие постройки, кроме разве что знаменитого Александрийского маяка на острове Фарос.

По привычке стараясь избегать чужих взглядов, Тарквиний поглубже надвинул на лицо капюшон: длинные светлые волосы и золотая серьга в ухе неизменно привлекали к нему внимание, особенно теперь, когда давний шрам от ножа Вахрама стал еще более заметным из-за вмятины в левой щеке – следа от пущенного из пращи камня. Впрочем, Тарквиния сейчас мало что волновало: после памятных событий в гавани его душу снедала тоска, изрядно при-
тупившая прочие чувства.

Когда темные холодные волны сомкнулись в ту ночь над его головой, гаруспик решил, что тут-то и настала смерть, – и вновь ошибся. Правда, временами это уже не радовало. Убив некогда Целия на пороге публичного дома и тем самым отомстив за гибель Олиния, своего наставника, он не усомнился в справедливости кары – однако та расправа повлекла за собой столько бед, что сейчас Тарквиний не так уж твердо верил в правильность былого выбора. И все же время не повернуть вспять – Ромул, легионер Цезарева войска, уже ушел с римскими легионами дальше, навстречу уготованной богами судьбе, которая, возможно, приведет его обратно в Рим, если гаруспика не обмануло видение.

Лежа на песчаной отмели, куда вытащили его Ромул с Петронием, он несказанно мучился от стыда: хотелось сгинуть навечно и больше никого не видеть. Из последних сил Тарквиний вскарабкался по каменистому склону наверх, где угодил в мелкую канаву и в бесчувствии провалялся до рассвета, ожидая Харона. Смерть казалась единственной соразмерной карой за признание, сделанное не к месту и не ко времени, – неудивительно, что Ромула обуяла ярость, и вряд ли он когда-либо простит гаруспика. Исполненный боли взгляд Ромула жег и мучил Тарквиния больше, чем рана на разбитом лице, жить не хотелось. Однако смерть не пришла. После многих дней боли, отчаяния и одиночества, когда приходилось пить дождевую воду из луж и питаться моллюсками, он выздоровел – телом. Видимо, боги решили, что он им еще понадобится. Был ли то Тиния, великий этрусский бог, или Митра, не оставлявший гаруспика покровительством со времен Маргианы, – он не знал. И не представлял себе цели, ради кото-

рой ему сохранили жизнь, однако предпочитал не сопротивляться могуществу, которое явно превосходило его слабые силы.

К тому времени, как Тарквиний отважился вернуться в город, бои давно закончились – легионы Цезаря, отплывшие на восток, объединились с союзниками из Пергама и обрушились на египтян. После битвы при Пелусии, где с тысячами воинов погиб юный царь Птолемей, Цезарь вернулся в Александрию триумфатором и возвел на трон Клеопатру. Легионеры, которых египтяне прежде проклинали, теперь расхаживали по улицам с видом героев-победителей – и попадаться им на глаза Тарквинию не хотелось: несмотря на то что в армию его завербовали силой, формально он считался дезертиром. А уж встречи с Ромулом, случись тому оказаться в Александрии, он и вовсе бы не перенес. Идти было некуда, пришлось искать укрытия в некрополе, лежащем к юго-западу от городских стен. Здесь, в садах и рощах, среди бесчисленных гробниц, облюбованных нищими, ворами, прокаженными и бальзамировщиками трупов, он коротал время, найдя приют в обветшалой усыпальнице какого-то купца. Одиночество не тяготило, дни сливались в недели и месяцы. Обитатели некрополя обходили Тарквиния стороной; редкие смельчаки, посмеявшиеся к нему сунуться, тут же получали отпор – несмотря на годы и увечья, мечом и двулезвийной секирой гаруспик орудовал по-прежнему споро.

Наконец Цезарь отбыл из Александрии, и Тарквиний, выждав неделю, стал каждый день выходить в город. Стыд за то, что он не пытался отыскать Ромула, не исчез, зато теперь в столице гаруспику ничего не угрожало.

Гадания – привычный способ заглянуть в будущее – ничего не приносили. Городские ветры обыденно веяли с северного берега и с лежащего к югу озера Мареотис, но Тарквинию, опытному знатоку воздушных течений, они приносили только освежающую прохладу. Облака всего лишь давали тень, птичьи стаи радовали глаз разноцветьем, какого не увидишь в Италии, – и не более. Посвятив прорицаниям без малого четверть века, гаруспик уже успел убедиться, что чутье работает не всегда: когда знание нужнее всего, оно не приходит, зато стоит отвлечься – и окружающий мир обрушивает на тебя целые потоки детальнейших сведений. Ничего не дали даже жертвоприношения, на которые Тарквиний, с великим трудом отыскав укромное место, решился дважды. И все же он не утратил веры в свои способности, как тогда, в Маргиане. Он смутно чувствовал, что все должно выясниться иным способом, и этот способ нужно найти.

К тому времени гаруспик уже знал, где находится библиотека, и просиживал там каждый день. Пламя от береговых построек, горевших в ночь отчаянной битвы римских легионеров с египтянами, уничтожило библиотеку не полностью, хотя благодарить за это приходилось не Цезаря – командующий в бою заботился лишь о том, чтобы посеять панику среди врагов. Библиотека частично уцелела лишь потому, что состояла из нескольких зданий, и после гибели берегового хранилища остался нетронутым целый комплекс просторных помещений недалеко от гимнасия. Там располагалось основное собрание книг, туда и приходил Тарквиний изучать рукописи.

Библиотека казалась ему воплощением давней мечты, и горе слегка утихало всякий раз, как он переступал порог. Здесь его ждали десятки тысяч папирусных свитков – трактаты о поэзии, истории, философии, медицине, риторике и о любых других областях знания. За две сотни лет в александрийской библиотеке скопилось уникальное, величайшее собрание сведений о мире. И здесь Тарквиний надеялся не только выяснить собственную судьбу, но и раскрыть тайну происхождения своего народа – ведь за десятки лет он так и не сумел дознаться, откуда же появились этруски.

Здание было не просто библиотекой или хранилищем свитков – оно включало в себя и школу, и святилище, и музей, рядом с ним простирались ухоженные сады, к которым примыкали зверинец и обсерватория. Храм, разумеется, был посвящен музам, и обряды в нем совершал жрец высокого ранга. На протяжении многих поколений в библиотеку приезжали

греческие ученые со всего Средиземноморья – вести диспуты с коллегами, преподавать науки ученикам. В Александрии годами жили мудрецы, неизмеримо превосходившие Тарквиния знаниями: Архимед изучал приливы и отливы Нила и изобретал механизм для подъема воды, Эратосфен Киренский, считавший Землю круглой и вычисливший ее окружность и диаметр, по пути от Испании к Индии выступал здесь с лекциями. Кто-то выдвигал гипотезы о влиянии Солнца на планеты и звезды, кто-то изучал человеческую анатомию, внося вклад в развитие медицины.

Вышагивая по бесчисленным библиотечным коридорам, Тарквиний исполнялся прежде незнакомым чувством – ощущением собственного ничтожества: ведь чтобы прочесть все здесь собранное, не хватит и жизни! Обернутые в кожу или льняную ткань свитки и пергаментные манускрипты, теснящиеся на полках, казались ему дорожке всего золота мира.

Хотя основная часть сведений содержалась в каталогах, все же упоминания об этрусках удалось найти лишь самые скудные. Некоторые фрагменты ветхих папирусов рассказывали о пришельцах из земель, лежащих за Малой Азией, где-то упоминался город Ресен на реке Тигр – и только. Никаких подробностей, способных дополнить рассказы Олиния, Тарквиний так и не отыскал. Зато все больше жалел, что в свое время ничего не пытался разузнать после битвы при Каррах, впрочем тогда в Селевкии, где его вместе с остальными пленными держали под замком день и ночь, было не до исторических изысканий. Теперь же мечта вернуться в Парфию преследовала его все навязчивее.

Может, туда ему и назначен путь? Радость, охватывающая душу при этой мысли, неизменно омрачалась сознанием безвозвратности такого исхода – неужели он больше не увидит Ромула? Правда, ждать его в Александрии – тоже никак не лучший способ приблизить встречу, и потому гаруспик не спешил пускаться в дорогу, пока не добудет собственноручно или не получит свыше хоть какой-то осязаемый знак.

Уже не первую неделю Тарквиний просиживал в отделе библиотеки, где хранились труды по истории и астрономии, – просиживал по-прежнему безрезультатно. Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, он не докучал библиотекарям, писцам и переводчикам, терпевшим его довольно неохотно: бегло говорит по-гречески и знает медицину – что ж, прекрасно, но незачем так уж привечать молчаливого, покрытого шрамами чужака, который то бродит по коридорам, то, усевшись в стороне, следит за спорами ученых мужей. К таким здесь не привыкли.

Один переводчик, впрочем, его не избегал. Крепкий, средних лет грек с явно проступающей лысиной, Аристофан специализировался на астрономии. Как и его собратья по ремеслу, он носил неприметную неотбеленную тунику с короткими рукавами; долгие годы корпения над рукописями ссутулили его спину, с пальцев не сходили чернильные пятна. Работал Аристофан в небольшом дворике – одном из тех, что примыкали к библиотечным коридорам, густо заставленным книжными полками. Каждый день он, присев на подстилку и обложившись свитками и пергаментом, старательно переписывал старинные трактаты на чистые листы папируса. В этой части библиотеки Тарквиний проводил немало времени; настал и неизбежный день, когда гаруспик, в тщетных попытках найти некий текст о Ниневи, обратился к греку за помощью. Пока они искали нужный трактат, сам собой возник разговор о достоинствах папируса в сравнении с телячьей кожей, и, хотя свитка они так и не нашли, интерес к ученым занятиям их сблизил, зародилась дружба. Тарквиний, правда, старался не упоминать ничего о своем прошлом, и Аристофан, тактично ограничившись знанием о том, что его новый друг – этруск, ни о чем больше не спрашивал.

Очередной день не отличался от прочих – вчерашняя беседа о том, возможно ли точно измерить пути звезд, была продолжена поутру.

– Говорят, на Родосе есть какой-то ящик, который показывает движение Солнца, Луны и планет по небесному своду, – сообщил переводчик. – Сделан из металла, внутри десятки

зубчатых колесиков, и все вращаются в идеальном согласии. Вроде бы даже затмения предсказывает – и солнечное, и лунное. Не очень верится, правда...

Тарквиний засмеялся. В бытность свою на Родосе он тоже слышал о таком устройстве.

– Что смешного? – нахмурился Аристофан.

– Взгляни на свитки вокруг! Столько знания и мудрости собрано! Отчего ж прибор не изобрести?

– Да, ты прав, – смущенно улыбнулся Аристофан. – Совсем я засиделся среди книг. Не вижу дальше носа.

Тарквиний на миг примолк. Как ни разнообразны знания, вычитанные им в библиотеке, книжная мудрость порой казалась ему сухой и почти безжизненной.

– На Родосе, говоришь? – переспросил он.

– В тамошней греческой школе, – кивнул Аристофан и мечтательно добавил: – Когда-нибудь наведаюсь!

Может, и мне туда надо? – пронеслось в голове Тарквиния. Средств, которыми удалось разжиться, на проезд хватит... Внезапно библиотечную тишину нарушил ритмичный звук шагов: где-то рядом маршировал отряд. У главных ворот шаги затихли, и тут же в деревянные створки кто-то заколотил оружием, послышалась команда немедленно отворить.

Аристофан вздрогнул – даже во время недавней битвы библиотека оставалась островком спокойствия в бушующей Александрии.

– Зевс-громовец! Что им нужно?

Тарквиния подбросило на ноги, он тщетно нащупывал на поясе меч. Команду отдали на латыни – не на греческом или египетском. Значит, сюда пожаловали римские легионеры, а это чревато неприятностями. По меньшей мере неудобными вопросами. Воздух вокруг гаруспика дрогнул, суля опасность – то ли Тарквинию, то ли кому другому.

– Что случилось? – От Аристофана не укрылось его смущение. – Кого-то ищут? Тебя?

«Успокойся», – приказал себе Тарквиний и постарался вздохнуть поглубже. Из всех римлян, оставшихся в городе, его не знает никто. Или почти никто.

– Вряд ли, – ответил он, попутно вспоминая, что все выходы, кроме главных ворот, заперты: проверяя на всякий случай пути к отступлению, гаруспик обошел их все. – Просто не люблю римлян.

Грек бросил на него недоверчивый взгляд. Он знал, что Тарквиний родом из Италии, и по некоторым признакам успел понять, что его друга не обошла военная служба. На глазах писца явно происходило нечто странное. И все же Аристофан, как многие столичные египтяне и греки, не очень-то жаловал римлян – новых хозяев Александрии, высокомерных, грубых, с солдафонскими замашками.

– Отступи под портик, – тихо посоветовал он. – Солнце яркое: даже если войдут, от тебя разглядят лишь тень. Мало ли здесь ученых корпит над книгами.

Благодарно кивнув, Тарквиний свернул трактат об Ассирии, который изучал, и отошел под крышу: здесь, разглядывая ряды книг, можно следить за любым входящим. Впрочем, что толку – все равно ведь выходы закрыты... Тарквиний, пытаясь унять тяжело бьющееся сердце, взглянул на лоскут неба над головой: воздух недвижим, облака ничего не говорят... Гаруспик шепотом выругался.

К его удивлению, вступивший во двор отряд состоял частью из римлян, частью из египтян. Первыми шли два десятка легионеров в сияющих доспехах, за ними столько же воинов из царской стражи – в зеленых туниках, греческих шлемах и бронзовых панцирях. Рассредоточившись по площадке, они встали защитной стеной, с копьями и мечами на изготовку, словно и не заметив Аристофана с его трактатами. Командир свистком дал знак, и во двор вошла величественная молодая женщина, которую сопровождали старшие библиотекари и кучка подобострастных придворных. Пока Тарквиний стоял с раскрытым ртом, Аристофан, сшибая на пол

баночки с чернилами, простерся ниц на своей тростниковой подстилке. Предупредить Тарквиния он не успел – да в том и не было нужды.

Перед ними стояла Клеопатра – сестра погибшего фараона Птолемея, любовница Цезаря и нынешняя правительница Египта. Богиня, почитаемая своим народом. Интересно, что она ищет в библиотеке...

– На колени! – возгласил кто-то из придворных.

Тарквиний поспешно встал на колени и, поймав предупреждающий взгляд простертого на полу Аристофана, пал ниц перед правительницей. Даже за эти считанные мгновения он успел заметить ее уверенную манеру держаться, скользнуть глазом по ниспадающим льняным одеждам кремового цвета с серебряной каймой и по заплетенным в косички волосам. Бледный лоб, окаймленный длинными прядями, венчала корона египетских фараонов – массивный, украшенный драгоценными камнями золотой обод с извивающей головой змеи. Шею Клеопатры облегал ожерелье из крупного жемчуга, на пальцах и запястьях играло бликами золото и серебро. Нос с горбинкой и крупный рот искупались роскошной фигурой, полная грудь соблазнительно колыбалась под полупрозрачным одеянием, струящиеся складки которого льнули к животу и бедрам.

– Можете встать, – провозгласил тот же придворный.

Тарквиний поднялся, старательно пряча глаза от стоящих рядом солдат: знакомых лиц он не заметил, однако искушать судьбу было незачем – малейшего пустяка хватит, чтобы его пронзили пилумом или связали, как курицу для жаркого, и отправили на пытки.

Аристофан, простертый в двух шагах от Клеопатры, не осмелился подняться на ноги и остался на коленях.

– Великая царица, – вымолвил он дрожащим голосом, – твое присутствие – несказанная честь для нас.

Клеопатра склонила голову:

– Мне необходимы сведения, и я должна их получить. Мне известно, что здесь хранятся нужные книги.

Красивый низкий голос звучал певуче и соблазнительно, однако слова, без сомнения, таили угрозу.

На лбу Аристофана выступил холодный пот.

– Каких сведений ищет моя госпожа? – спросил он.

Клеопатра ответила не сразу, и Тарквиний не упустил случая украдкой метнуть на нее взгляд. При виде ее плоского живота гаруспика словно ударило молнией. Царица ждет ребенка! Он толком не знал, чему больше поразился – самому открытию или тому, что его пророческий дар вернулся так внезапно. Стало быть, Клеопатра собирается родить Цезарю дитя. Гаруспик взглянул еще раз. Сына. У того, кто одержим мыслью сделаться единоличным правителем Рима, будет наследник. И Клеопатра пришла в библиотеку узнать будущее – свое и сына. Тарквиний тут же вспомнил о Ромуле. Не эту ли опасность он чуял?

Клеопатра не спешила откровенничать.

– Не так уж много мне нужно, – мягко протянула она. – Всего лишь расположение звезд примерно на год. И перспективы для каждого знака зодиака.

– Великая царица, – ошеломленно выдохнул Аристофан, – моих знаний для этого недостаточно.

Клеопатра улыбнулась:

– Лишь найди нужные свитки. Толкования дадут мои мудрецы. – Она указала на придворных, стоящих за спиной. У тех разом вытянулись лица.

Аристофан облегченно сглотнул – так, что услышал даже гаруспик.

– Конечно, великая госпожа. Сдоблаговольте последовать за мной. – И грек дрожащей рукой указал на коридор за спиной Тарквиния.

Тот от неожиданности замер. Теперь главное – оставаться спокойным: любой нечаянный жест или шаг привлечет ненужное внимание.

– Веди, – приказала Клеопатра Аристофану.

Египетские стражники, перестроившись в пятерки, обступили царицу с четырех сторон. Вздернув копья, две пятерки двинулись за семенящим впереди Аристофаном, следом шла Клеопатра и потные от волнения мудрецы, позади них вышагивали еще две пятерки египтян. Такой колонной они и ступили в коридор, где застыл, как статуя, Тарквиний. Обдав его запахом пота и кожаных доспехов, воины прошли мимо, лишь небрежно скользнув по нему взглядом – мало ли тут болтаются ученых-оборванцев.

Тарквиний, хоть и склонивший голову при приближении Клеопатры, старался ничего не пропустить. От царицы исходило ощущение счастья, беременностью она явно гордилась. Еще бы – заполучить самого Юлия Цезаря! Тарквиний не удивлялся: правящая египетская династия, изрядно растерявшая бывшее могущество, много лет зависела от римского войска. Добившись любви Цезаря, а теперь и зачав от него ребенка, Клеопатра стремилась оставить за собой престол – и если учесть, что ее брата-подростка Птолемея убили в недавней войне, а сестру Арсиною держали затворницей, то соперников у нее не было.

Впрочем, окутывающая ее энергия отзывалась и чем-то еще. Тарквиний, закрыв глаза, попытался проникнуть за завесу – и даже покачнулся от удивления. Клеопатра проведет в Риме несколько лет, но не будет править вместе с Цезарем. Их сын умрет ребенком... погибнет... будет убит по приказу худощавого молодого аристократа, незнакомого Тарквинию. Почему? Гаруспик четко видел, что аристократ любит Цезаря – и все же велит умертвить его сына. Значит, Ромула он тоже любить не будет. Вся история вертится вокруг Рима, пронеслось в голове Тарквиния. Может, вернуться?

– Ты! – окликнул его кто-то из легионеров. Смуглый ветеран с густой щетиной на подбородке оглядывал его потрепанную одежду. – Что ты тут делаешь?

Гаруспик запоздало осознал, что в задумчивости бормотал вслух.

– Изучаю древнюю ассирийскую цивилизацию, господин, – подобострастно ответил он, предъявляя в доказательство свиток.

Легионер сощурил глаза.

Сердце Тарквиния замерло – углубившись в мысли о Ромуле, он растерялся при властном окрике и вместо греческого языка ответил на латыни. Преступлением это не считалось, но для библиотечного ученого-грека (а библиотеку посещали почти одни греки) слышать такое было непривычным. Легионер это тоже знал.

– Ты италиец? – требовательно спросил он, шагнув вперед и опустив пилум так, что пирамидальный наконечник теперь смотрел прямо в грудь Тарквиния. – Отвечай!

Гаруспик не собирался объяснять, кто он такой и почему не в армии.

– Я из Греции, – солгал он. – Жил несколько лет в Италии, учительствовал. Латинский язык мне как родной.

– Учитель, говоришь? – хитро прищурился легионер и ткнул кончиком пилума в левую щеку Тарквиния – вдавленную, покрытую шрамами. – А раны откуда?

– На город, где я жил, напали киликийские пираты, – лихорадочно соображая, на ходу начал сочинять гаруспик. – Меня избили и продали рабом на Родос. Потом я сбежал и добрался до Александрии. Переписываю здесь книги, зарабатываю на жизнь.

Ветеран припомнил рассказы отца: пока Помпей двадцать лет назад не разбил киликийцев, их кровожадные орды были проклятием для всего Средиземноморья – однажды они даже осадили римский порт Остию и перекрыли доставку зерна в столицу. Этот жалкий оборванец был тогда молод, вполне мог попасть в переплет.

По коридору разнесся голос Клеопатры, – судя по всему, Аристофану удалось найти нужные ей тексты. Легионер отвернулся, и Тарквиний облегченно вздохнул.

Царица, окруженная стражей, появилась в коридоре, щеки ее пылали от волнения. За нею спешил Аристофан, по горло нагруженный пыльными свитками, позади тянулись ученые мужи с испуганными лицами: теперь, когда свитки нашлись, царица будет добиваться от мудрецов истины.

Аристофан светился торжеством. При виде Тарквиния его лицо еще больше просияло.

– Этруск, дружище! Угадай, что я отыскал! – крикнул он на латыни. – Тот текст из Ниневии, что ты отчаялся найти!

Тарквиний медленно скосил взгляд на смуглого легионера – слов библиотекаря тот явно не пропустил.

– Этруск? – рывкнул он, подсакивая к гаруспику. – Лжец и дрянь! Может, ты еще шпионишь на республиканцев?

Аристофан осознал содеянное слишком поздно. Удивленно раскрыв рот, он глядел вслед Тарквинию, который уже бросил свиток и теперь неся к выходу.

– Шпион! – заорал легионер. – Шпион!

Тарквиний бежал так, будто за ним гнался Цербер и все демоны Гадеса, однако легионеры, хоть и отягощенные доспехами, были моложе и проворнее. Пока что они оставались позади, но надежда добраться до выхода, а уж тем более выскочить на улицу таяла на глазах. Несясь через парк, где на него изумленно оборачивались рабы-садовники, гаруспик проклинал собственную рассеянность, из-за которой заговорил на латыни. Его захлестывал ужас. Если догонят – попытка выдать себя за писца не выдержит простейшей проверки, его неминуемо примут за шпиона.

Правду рассказывать бесполезно – никто не поверит, слишком уж она фантастична. К тому же никто не должен знать о его даре прорицания. Значит, исход один – смерть под пытками. Гаруспик горько усмехнулся: неужели возвращение дара было жестокой шуткой богов? Знаком, что для Ромула все кончено и помочь ему нельзя?

Тут Тарквиний заметил в стене, всего в полусотне шагов, открытую дверь, рядом с которой стоял перепуганный писец и отчаянно махал ему рукой. Если нырнуть в проход и успеть захлопнуть дверь – легионеры могут и не догадаться, куда он скрылся.

Тарквиний изо всех сил припустил к выходу.

Глава VI

«Veni, vidi, vici»

Понт, север Малой Азии

Простой легионер не имеет права отдавать команды. Однако Ромул знал, что не выкрикнуть приказ – значит погибнуть самому и погубить товарищей: навстречу, грозя разнести их часть строя, неслась тройка колесниц. Откинув голову, он взревел:

– Целься! Залп!

Ближайшие легионеры не замедлили подчиниться: бездействовать перед лицом смерти никому не хотелось. Опершись на skutумы, они метнули копья – десятки крепких пилумов разом полетели во врага. На таком расстоянии легионеры били без промаха: зазубренные железные наконечники пронзали упряжь, впивались в конские шеи и спины, двоих возниц сбросило на землю. Лошади, обезумев от боли, неслись теперь сами по себе – по-прежнему не сворачивая. Один из возничих, державшийся чуть позади двух других колесниц, остался жив и теперь с оглушительным воплем гнал коней вперед.

Две передние колесницы врезались в плотный строй римлян – Ромул с ужасом смотрел, как раненые животные ударили грудью в стену щитов, по-прежнему волоча за собой колесницы с бешено вращающимися серпами. Кого-то из легионеров отшвырнуло в гущу строя, других бросило под тяжелые копыта, но еще горшая участь ждала стоявших сбоку – на их долю пришлось прикрепленные к колесам серпы. Над отрядом разнесся вопль ужаса, клинки впились в тела, хлынула кровь.

Ромул с усилием заставил себя обернуться к последней колеснице. Боевые кони, натренированные топтать людей, ворвутся в строй за два-три человека от них с Петронием. Пальцы Ромула стиснули древко второго пилума так, что побелели костяшки пальцев. Пилум бесполезен. Серпы по эту сторону колесницы ударят в Петрония – и в него самого.

Среди легионеров поднялись вопли, кто-то, толком не прицелившись, метнул дротики, которые пролетели поверх несущейся на строй колесницы. Ромул чуть было не поддался панике, к горлу подкатил ком, тело словно окаменело. Вот как, оказывается, выглядит смерть...

– Ложись! – взревел Петроний. – Быстро!

Ромул повиновался – думать о задней шеренге было некогда. Выставив skutum вперед, он растянулся на камнях рядом с Петронием, кое-кто последовал их примеру, остальные в панике бросились бежать – слишком поздно. Ромул сжался, в лицо вонзился край нащечника, и боль помогла сосредоточиться. «Митра! – отчаянно взмолился он. – Не дай мне такой гибели, не дай колеснице рассечь меня серпами!..»

В ухо, прижатое к камням, несся грозный гул от бьющих в землю копыт, сверху свистел вспарываемый лезвиями воздух – над Ромулом мелькнула одна пара серпов, за ней вторая. В задних рядах, принявших на себя удар колесницы, раздались вопли. Лежащий рядом Петроний не шевельнулся, и у Ромула вдруг пересохло во рту – неужели погиб? Спас ему жизнь, как некогда Бренн, взамен отдав свою?.. Оглянувшись вслед промчавшейся колеснице, Ромул пошевелил пальцами: руки и ноги целы – слава богам! Однако радость тут же затмила виной из-за гибели Петрония.

Кто-то с размаху хлопнул его по плечу:

– Считай, что не зря спас мне шкуру в Александрии! Теперь квиты!

Конский гребень на шлеме Петрония срезало вчистую, зато под шлемом сияла ухмылкой физиономия без малейшей царапины.

Ромул взвыл от восторга:

– А я-то думал, тебя убило!

– Фортуна – шлюха еще та, – расхохотался Петроний. – Да нынче, видно, ко мне благоволит!

Оба поглядели назад, где колесница, затормозив от столкновения с широким римским строем, наконец остановилась, и легионеры яростно набросились на нее, как изголодавшиеся волки, – убивать коней и возницу. Клинки тут и там вонзались в конские тела и упряжь; возничий, вместо того чтобы сдаться на милость римлян, в приступе храбрости схватился за меч, но даже не успел вынуть его из ножен – полдюжину гладиусов разом вонзились ему в руки и горло. Тело завалилось набок, однако этого было мало: кто-то из солдат, насмерть перепуганный колесничными серпами, взмахнул мечом и отсек врагу голову – с лица врага даже не успело сойти изумление. Кровь хлынула легионеру на ноги; наклонившись, он сбил с возницы шлем и поднял над собой кровавый трофей. Легион разразился диким, первобытным воплем ярости.

Несмотря на многочисленные потери, римский строй умудрился выстоять. Правда, в шеренгах тут и там зияли бреши – линия щитов была нарушена, а ведь бой едва начался. В первые ряды тут же выдвинулись задние легионеры, занимая место павших, однако радость от удачного отпора длилась недолго: вновь послышался топот копыт – атака продолжалась. В строю слышались проклятия.

Сквозь задние шеренги, развернутые в противоположную сторону, Ромул разглядел понтийскую конницу, которая обошла Двадцать восьмой с флангов и теперь готовилась обрушиться на незащищенный тыл. Выстоять против конницы – дело для пехоты почти невозможное. В битве при Фарсале это удалось: по приказу опытных командиров легионеры целили пилумами противнику в лицо, чем и обратили врага в паническое бегство. Забытый легион тоже когда-то остановил конную атаку специально откованными длинными копьями, от которых лошади шарахались, отказываясь идти вперед. Однако сейчас прежних оптимов в строю не было – и солдаты, вооруженные лишь дротиками, понимали, что после единственного залпа их просто втопчут в землю. В задних рядах нарастал панический ропот.

Смерть, впрочем, грозила не только арьергарду – за колесницами, как успел увидеть Ромул, идет пехота. Уцелевшие центурионы тоже об этом помнили.

– Кругом! Перестроить ряды! – крикнул ближайший. – Шевелитесь, придурки!

Ромул повернулся. И тут же об этом пожалел.

Размахивая мечами и копьями, пельтасты и туреофоры стремительно приближались, выкрикивая боевой клич. Римские ряды, по-прежнему толком не выстроенные, местами дрогнули – слишком многим была памятна александрийская атака, когда на римлян шли яростные соплеменники нынешнего врага. Зажатый между неистовыми пехотинцами и наступающей с тыла конницей, легион уже ни на что не надеялся.

Ромул чувствовал себя куском железа на наковальне: один удар занесенного молота – и его разобьет в осколки. Он в отчаянии поднял глаза к безоблачному небу, однако, как обычно, ничего не увидел: с тех пор как в Маргиане ему предстало грозное видение Рима, он почти не пытался заглянуть в будущее, а в тех редких случаях, когда все же вспоминал о полученных от Тарквиния навыках, боги, словно в насмешку, не давали ни единого знака. Впрочем, сейчас и без гаданий было ясно, что смерти не избежать.

Центурионы, даже если и разделяли его мнение, паниковать не спешили: на них, ветеранах многочисленных кампаний, и держалась дисциплина легиона в опасные минуты. Выстроив легионеров, они закрыли бреши, оставленные колесницами, – и Ромул, поняв замысел командиров, с облегчением выругался вслух. Центурионы лучше всех понимали, что единственное оставшееся преимущество Двадцать восьмого – его позиция. Вражеские солдаты будут бежать в гору, и их атака будет медленнее, чем натиск колесниц.

Ромул, к которому вернулась решимость, взглянул на Петрония.

– Так-то, парень! – рявкнул в ответ ветеран, хлопнув Ромула по плечу. – Держать строй! Погибнуть – так с товарищами, чего еще желать?

Легионеры, слышавшие слова Петрония, горячо закивали.

От их поддержки на глаза Ромула навернулись слезы гордости. Никто из солдат не знал о его рабском прошлом – в нем видели лишь смелого бойца и близкого товарища. Презрение, с которым легионеры относились к ним с Бренном в Маргиане, оставило в сердце ошутимую рану, и теперь, на понтийском голом холме, под палящим солнцем, поддержка солдат утешила его, как целительный бальзам. Ромул решительно вздернул подбородок. Уж если его постигнет смерть – то по крайней мере рядом с теми, кто считает его равным.

– Нас ждет Элизиум! – крикнул Петроний, вздымая пилум. – Умрем за Цезаря!

Легион разразился дерзким громким кличем, имя Цезаря повторялось в рядах как заклинание; линия щитов, прежде неуверенно изогнутая перед грозным врагом, заметно выровнялась. Клич разнесся и по задним шеренгам, куда вот-вот готова была обрушиться понтийская конница.

Ромул был потрясен. С тех пор как его завербовали в Двадцать восьмой, он все силился понять, откуда бралась неколебимая вера солдат в своего главнокомандующего. Он знал, что Цезарю такая репутация далась потом и кровью, – говорили, что он лично водил войска в бой, делил с солдатами тяготы походов и щедро награждал за верность, однако Ромул этого никогда не видел. Ночная битва в Александрии оказалась беспорядочной бойней, последовавшая за ней победа над армией Птолемея далась почти без труда – полководческих талантов Цезаря, о которых только и говорили вокруг, Ромул оценить не мог. Но ведь в Цезаревом войске ему теперь служить шесть лет, а то и больше – и при этом не доверять своему командиру?.. И сейчас, стоя на холме перед лицом врага, Ромул видел безграничную веру легионеров в Цезаря – незыблемую, несмотря на смертельную угрозу, – и сердце его преисполнялось той же убежденностью.

Размышлять, впрочем, было некогда: пельтасты и туреофоры подступали все ближе. Многообразие народов в Фарнаковом войске неприятно поражало: солдаты Дейотара, сражающиеся за римлян, одеждой и вооружением походили на легионеров, бегущие же по склону понтийские наемники разительно отличались один от другого – привлеченные в войско щедрым жалованьем и жадной добычи, они стекались в Понт со всех окрестных краев. Среди них встречались фракийские пельтасты – Ромул видел таких в Александрии: без доспехов, вооруженные лишь ромфайей и овальным щитом с продольным ребром. У других были дротики и кривые ножи, кое-кто нес изогнутый полумесяцем щит, сплетенный из ивового прута и обтянутый бараньей кожей, кого-то защищал толстый холщовый панцирь. У тех, что побогаче, поблескивали на солнце полированные бронзовые щиты.

Часть пехоты составляли туреофоры из Малой Азии и западных земель – помимо обтянутых кожей щитов, овальных или прямоугольных, у них в руках виднелись мечи и дротики, у некоторых длинные копья, а голову защищал македонский шлем с гребнем, широкими нащечниками и закругленным козырьком. Облаченные в подпоясанные туники, туреофоры в основном обходились без защитных доспехов, подобно пельтастам, зато туники поражали разнообразием цвета: кроме красно-коричневых, как у легионеров, встречались белые, синие и охряные.

Левый фланг состоял из тысяч каппадокийцев в островерхих колпаках и в туниках поверх штанов – яростные бородатые дикари несли в руках восьмиугольные щиты, дротики, копья и длинные мечи, похожие на меч Бренна.

Ни один из здешних отрядов, взятый отдельно, не выстоял бы против легиона, однако одолеть целиком армию Фарнака – непростая задача даже для всего римского войска. А если Двадцать восьмой ляжет под стенами лагеря – то как Цезарь собирается победить?

Петроний, к удивлению Ромула, вдруг рассмеялся:

– Зато у нас целых два преимущества!

– Враг лезет в гору и выбивается из сил, а мы стоим и спокойно ждем? – догадался Ромул.

– И пилумы сверху вниз бросать удобнее.

Вражеские командиры тоже об этом знали. И хотя на Двадцать восьмой они спешили напасть прежде, чем подтянутся остальные легионы, они предпочли не гнать усталых солдат на отдохнувших римлян: понтийское войско замерло посреди подъема, на изрядном расстоянии от римского лагеря – так, чтобы не долетали пилумы. Легионерам оставалось лишь бормотать молитвы и стараться не замечать шума за спиной: там их соратники отбивали атаку понтийской конницы. Командиры из тех, что понаходчивее, велели целить дротиками во всадников, как при Фарсале, но проку было не много: враг уже пробивал бреши в рядах римлян, угрожая нарушить строй. Если коннице удастся разметать Двадцать восьмой на мелкие отряды, подумал Ромул, долго ждать смерти не придется.

От напряженного ожидания чуть не разъедало внутренности, однако времени на раздумья, к счастью, не оставалось: пельтасты и туреофоры уже шли дальше и, несмотря на крутой подъем, не сбавляли темпа. Два десятка ударов сердца – и враги кинулись на легион, как своры псов, однако на сей раз вместо плотной стены легионерских щитов их встречала кипучая людская масса, вопящая и размахивающая оружием. Нетерпеливые каппадокийцы, обогнавшие остальную понтийскую армию, уже подступили ближе, прочие вот-вот готовились обрушиться на римлян по всему фронту. Самые безрассудные на бегу даже метнули копья, которые пролетели от силы шагов пятнадцать и даже не вонзились в склон, а скользнули наконечником по твердому грунту и шлепнулись наземь, так никого и не задев. Остальные понтийцы, явно следуя приказу, берегли силы для прямой стычки.

Зато не медлили центурионы. Пилумы, брошенные с крутого холма, покроют большее расстояние – и командиры спешили дать залп прежде, чем понтийская пехота подойдет вплотную.

– Готовь дротики! – разнеслась команда, когда враг подошел на полсотни шагов. – Целься дальше!

Зажмурив левый глаз, Ромул выхватил взглядом рвущегося вперед бородатого пельтаста с белым овальным щитом и гигантской ромфайей под стать крепкому владельцу. При воспоминании об александрийской битве Ромул поежился, представив раны от такого меча. Крепче сжав пилум, он, как и остальные, отвел назад правую руку.

– Бросай! – разом взревели центурионы.

Дротики полетели вперед смертоносной лавиной, на миг затмив небесную синеву. Понтийцы, впрочем, не смотрели вверх – намеренные во что бы то ни стало добраться до легионеров, они пустились вверх по склону бегом.

Ромул не сводил глаз с выбранного им пельтаста – промахнулся или нет? Через миг наемник рухнул с торчащим из груди пилумом, и Ромул издал победный клич: даже здесь, где за копьями не уследишь, он все же чувствовал, что не промахнулся. Враги тесным косяком, как рыбы на мелководье, бежали вперед, не поднимая щитов, – и каждый дротик попадал в цель, неся смерть или увечье. Впрочем, в таком многочисленном войске сотня-другая убитых мало что значила: даже после второго залпа пилумов вражеский строй почти не поредел, и Ромула вдруг захлестнули неверие и страх. Легионерам оставалось надеяться только на гладиусы. И на прославленное римское мужество.

По-прежнему держа щит перед собой, он ударил по нему мечом – раз-другой. Петроний, ухмыльнувшись, последовал его примеру, и вот уже весь отряд колотил мечами в щиты – все быстрее и быстрее, словно подгоняя грохотом понтийское войско.

– Скорей, ублюдки! – завопил Ромул – ему не терпелось врезаться в гущу битвы.

Все центурионы, не занятые налетом понтийской конницы, держались сейчас впереди. В двадцати шагах от Ромула с Петронием стоял аквилифер с древком, на котором красовался

серебряный орел – главное достояние легиона и его символ, источник мужества и гордости для солдат. Аквилифер, держащий древко обеими руками, не способен себя защитить, и легионерам по обе стороны от него обычно приходится несладко, однако должность считается почетной, и солдаты готовы сражаться за орла любой ценой: потерять его в бою – великий позор для легиона. Судя по тому, что легат поставил орла в первые ряды, битва предстоит отчаянная. И пусть Ромул вступил в Двадцать восьмой не по своей воле – он тоже будет драться за орла до последнего вздоха.

– Сомкнуть ряды! – послышалась команда. – Передняя шеренга, сдвинуть щиты! Остальные – щиты вверх!

Едва не задевая друг друга плечами, легионеры привычно перестроились: порядок был многократно отработан и в упражнениях, и в бою. С металлическим звоном ударились друг в друга щиты, превращаясь в плотную стену, закрывающую каждого с макушки почти до щиколоток, так что из-за skutumов торчали лишь острые клинки мечей. Солдат в задних шеренгах защищал второй ряд щитов, поднятый над нижним.

Понтийские пехотинцы, которые тем временем приблизились на расстояние копеечного броска, беспорядочно метнули дротики – воздух дрогнул от знакомого свистящего звука, и в следующий миг наконечники уже застучали по щитам в напрасной попытке их пробить. Никого не ранило, зато skutумы теперь щетинились застрявшими в них копьями – кое-кто из солдат тщетно пытался выдернуть древки, однако было поздно. Два войска наконец столкнулись.

Весь мир сузился для Ромула до нескольких фигур: дальше Петрония и ближайших легионеров ничего не существовало. Жилистый седой пельтаст лет сорока, с ромфайей и зазубренным клинком, налетел прямо на Ромула – мускулы на смуглых руках и ногах вздымались как канаты. Оскалившись, ветеран нацелил на Ромула овальный щит, стараясь сбить противника с ног. Уперев левую ногу в skutum, юноша легко выдержал удар – и еще успел презрительно усмехнуться: пельтаст вдвое легче, куда ему...

Однако тот знал, что делает.

Пока они, сцепившись, толкали друг друга щитами, пельтаст перекинул ромфайю поверх skutума, зацепил бронзовый шлем Ромула и легко рассек его надвое, ударив в макушку с такой силой, что у юноши перед глазами поплыли круги. Его зашатало, ноги подкосились. Злобно рыча, наемник налег на рукоять ромфайи, пытаясь отцепить ее от шлема, – к счастью, меч подался не сразу, и Ромул, в полуобмороке от боли, успел сообразить, что нельзя терять время: следующим ударом пельтаст вышибет из него мозги. Юноша инстинктивно упал на колени, утягивая ромфайю вниз, на свою сторону щита, чтобы выбить ее из руки противника. Тот прошипел ругательство – и Ромул понял, что уловка сработала.

Кроме того, теперь через просвет между двумя skutумами он мог дотянуться до незащищенных ног пельтаста – и, выбросив вперед гладиус, всадил его в сухожилие под левым коленом врага. Наемник, завопив, тут же выпустил меч, успевший отцепиться от шлема Ромула, и неловко рухнул набок, отчаянно сжимая в руках щит. Вытащив кинжал, он нацелился было всадить его в правую руку юноши, однако тот успел уйти из-под удара. Голова кружилась, кровь стекала по лбу и заливала глаза, Ромул почти ничего не видел.

Скорченный на земле пельтаст снова взмахнул кинжалом, однако не дотянулся – клинок лишь бесцельно мелькнул в воздухе. Медлить было нельзя: через миг следующий понтиец займет место вышедшего. Вдохнув поглубже, Ромул поднялся на ноги, по-прежнему держа в руках меч и skutum, и пельтаст последним отчаянным движением попытался вонзить кинжал ему в голень.

Ромул, собравшись с силами, двинул по простертой руке тяжелой, подбитой гвоздями сандалией – прижатая к каменному выступу рука хрустнула, наемник с воплем выронил щит

и кинжал, и Ромул, шагнув вперед, что было мочи всадил гладиус в горло врага. Вопль тут же стих, тело забилося в предсмертных судорогах, на skutum хлынула кровь.

Юноше хватило сил сразу же взглянуть вокруг. Он знал, что если и останется в живых, то лишь по чистому везению и прихоти богов: против умелого бойца ему, после такого удара в голову, уж точно не выстоять. К счастью, следующий пельтаст, перепрыгнув через труп, ринулся вперед так рьяно, что споткнулся и рухнул прямо к ногам Ромула, – тому оставалось лишь всадить ему меч со спины в правый бок, между нижними ребрами. «Смертельный удар, – когда-то сказал ему Бренн. – Убивает вмиг. Даже если просто ранишь – враг не выживет, с рассеченной-то печенью. Крови потеряет столько, что смерти не заждется». Ромулу раньше не случалось опробовать прием на практике, и он вновь мысленно поблагодарил гиганта-галла, научившего его боевой премудрости. Советы Бренна, не раз спасавшие Ромула в первые месяцы гладиаторских поединков, приносили бесценную пользу и сейчас.

– Шевелись, парень. – Голос Петрония дошел до него как сквозь туман. – Замечтаешься – прибьют.

– Что? – Ромул оглянулся.

Заметив рассеченный шлем и залитое кровью лицо юноши, Петроний побледнел:

– Сильно ранен?

– Не знаю, – выдал из себя Ромул. – Башка трещит.

Петроний взглянул вокруг: с их участка враг слегка отхлынул и понтийцы с римлянами спешили вздохнуть свободно, прежде чем вновь ринуться в бой. Миг был самый подходящий, словно посланный богами.

– Быстро! – скомандовал Петроний. – Надо снять шлем. Все равно развалился.

Пока он, отстегнув ремень под Ромуловым подбородком, убирал побитые куски шлема и ощупывал рану, Ромул, стиснув зубы, старался не взвыть от боли.

– Ничего страшного, кожу посекло, – объявил наконец Петроний, разматывая пропотевший лоскут со своего запястья. Дважды туго обвив им голову Ромула, он закрепил концы. – Продержишься. А потом покажем лекарю.

Утирая кровь, заливающую глаза, Ромул рассмеялся: перед лицом пельтастов и туреофоров, ринувшихся в атаку, мысль о каком-то будущем лечении казалась нелепее некуда. Врагов тут десять на одного, а то и больше, еще и конница с тыла – копыта грохочут совсем рядом, чуть ли не за спиной. На правом фланге упорно крушат легионеров каппадокийцы, строй там долго не выдержит. Исход битвы явно близок.

Петроний, оценив мрачный юмор товарища, расплылся в ухмылке:

– Да уж, обложили нас.

– Точно. Впрочем, гляди, – указал куда-то Ромул.

До Петрония не сразу дошло, но тут же, взглядевшись пристальнее, он разразился торжествующим кличем:

– Орел! Орел с нами!

Солдаты, готовые с радостью уцепиться хоть за кроху надежды, обернулись: справа, совсем близко, вновь взметнулось кверху накренившееся было древко с орлом, символом Двадцать восьмого легиона. Солдат, перехвативший его у смертельно раненного аквилифера, теперь криками ободрял товарищей, призывая не сдаваться. Понтийцы накатывали волна за волной, соперничая друг с другом в попытке захватить римского орла, однако никто не преуспел: ближайшие легионеры стояли насмерть, орудуя мечами как одержимые, чтобы не подпустить врага, – правая рука у каждого была в крови уже по локоть.

– Не сдаваться! – присоединился к кличу Ромул.

– Иначе Марс не простит! – поддакнул низкорослый легионер с чудовищной раной в правой руке. – Вход в Элизий надо еще заслужить!

– Верно! – рявкнул Петроний. – Кем нас сочтут соратники, которые уже там? Слабаками, которые сдались врагу раньше, чем сгинул орел?

Ромул следил глазами за солнечными бликами, игравшими на расprostертых крыльях орла и на зажатой в когтях золотой молнии, и не мог отделаться от воспоминаний о Бренне, погибшем на берегу Гидаспа. Ромулу с Тарквинием уже случилось раз бежать с поля битвы прежде, чем орел достанется врагу, и повторять тот опыт не хотелось. Ни за что.

– В атаку! – взревел Ромул, не обращая внимания на пульсирующую боль, словно от острых игл, пронзающих череп. – Рим и победа!

Вскинув щит, он устремился навстречу врагу.

– Roma Victrix! Рим и победа! – завопил Петроний, бросаясь за ним.

Ближайшие солдаты, подстегнутые их словами, устремились следом.

Горстка сумасшедших римлян, пускающихся на чистое самоубийство, понтийцев не впечатлила: жаждущие битвы не меньше легионеров, они лишь ускорили бег, хрипло выкрикивая боевой клич.

Ромул, которому туман застилал глаза, никого толком не различал, кроме единственного гиганта-пельтаста, на бронзовом щите которого красовалась физиономия демона – косоглазый и ухмыляющийся, тот словно подзывал к себе, обещая скорый путь в Элизиум. Одолеть громадного пельтаста Ромул и не надеялся. «Ну и ладно, – пронеслась дерзкая мысль. – Зато перед Бренном будет не стыдно: погибну в бою, из последних сил защищая орла».

Десять шагов до смерти.

Пять.

Пельтаст-великан нетерпеливо взмахнул ромфайей...

И Ромул услышал звук, желаннее которого не мог и вообразить, – букцины пропели знакомый каждому легионеру сигнал к атаке, повторив его вновь и вновь.

Цезарь здесь!

При звуках сигнала вражеское войско замерло, пытаясь предугадать, куда же римляне направят свежие силы. Гигант напротив Ромула, глянув в сторону правого римского фланга, едва не смятого грозной атакой каппадокийцев, вдруг удивленно раскрыл рот – и Ромул, осторожно отведя от него глаза, с изумлением увидел во главе армии Шестой легион, уже вливающийся в поредевшее правое крыло. Потрепанный годами галльской войны и недавней египетской кампанией, легион едва насчитывал девятьсот бойцов – однако те неслись на понтийскую пехоту так, будто их девять тысяч.

Лишь потому, что верили в Цезаря.

Ромул вновь преисполнился решимости и окинул пельтаста оценивающим взглядом: выстоять против здоровяка раза в полтора тяжелее тебя самого, да еще когда ты без шлема и ранен – дело непростое, надо бы найти слабинку... Однако противник казался неуязвимым, и Ромула захлестнула горечь: даже атака целой армии его не спасет, смерть неминуема...

К его изумлению, мимо его уха вдруг просвистел камень размером с кулак и ударил пельтаста прямо между глаз – череп раскололся, и пельтаста отбросило назад, как тряпичную куклу, мозг серыми ошметками брызнул в застывших от ужаса соседей. Камень ударил так внезапно, что у них не оставалось сомнений: их собрат неведомым образом погиб от руки Ромула.

И тут камни посыпались градом. Пока Двадцать восьмой бился за свою жизнь, из лагеря выкатили баллисты, и Цезарь, несмотря на риск задеть своих же легионеров, приказал целить по самым плотным, передним рядам врага. Опасное решение окупилось с лихвой – залп из двух дюжин катапульт, стрелявших меньше чем с двухсот шагов, теперь сеял гибель в понтийском войске: камни убивали и калечили, некоторые удачно пущенные отскакивали рикошетом еще и в соседних воинов, успевая поразить не одного. Над оцепеневшей понтийской армией понеслись смятенные вопли.

Ромул, уже готовый к неминуемой смерти, теперь едва верил своему счастью; от спасительного появления Цезаря схлынули все страхи. Перепрыгнув через тело убитого пельтаста, он ударил умбоном щита в лицо какому-то крючконосому понтийцу, послышался громкий хруст, и противник с жутким воем осел на землю. Пнув его для надежности сандалией, Ромул обернулся к следующему.

Петроний, орудуя мечом слева от него, успел прикончить одного понтийца и теперь бился со вторым, справа высокий светлоглазый легионер с мрачной решимостью добивал шатающегося туреофора.

Подхлестываемый жаждой боя, Ромул влетел в гущу растерявшихся врагов. Через миг баллисты разразились вторым залпом, на этот раз нацеленным в середину понтийской армии, воинов которой, бессильных против римского подкрепления и сыплющейся с небес смерти, уже охватила паника – кое-кто поглядывал через плечо в поисках пути к отступлению.

Пельтасты и туреофоры напротив Ромула, еще миг назад готовые растерзать Двадцать восьмой в клочья, тоже изрядно притихли – римлянам оставалось лишь не упустить случая.

– Вперед! – крикнул Ромул. – Не дать им сбежать!

Заслышав его клич, ближайшие легионеры удвоили усилия. Сзади, невидимая их глазам, понтийская конница пустилась в бегство, чтобы не попасть в тиски между римскими когортами, и освободившиеся центурионы, повернув строй кругом, уже вели легион вниз, в самую гущу сражения.

Вплотную за ними двигались еще три легиона под командованием самого Цезаря.

Понтийское войско при виде такого зрелища застыло на месте – и римляне, успевшие набрать разгон на крутом спуске, с налета врезались во вражеский строй как живой таран, сбивая воинов с ног. Яростный натиск Шестого легиона смел даже каппадокийцев, которые еще миг назад готовились праздновать победу.

Хваленая храбрость понтийского войска таяла на глазах, бойцов охватывал ужас.

Почувяв смену настроения, Ромул с восторгом понял, что поражение оборачивается победой прямо на глазах. От ликования забыв про боль, он не отводил взгляда от пельтастов и туреофоров, которые успели развернуться и теперь удирали без оглядки, побросав оружие и щиты, отпихивая друг друга локтями и в страхе мечтая лишь об одном – уйти от неминуемой расплаты. Мечи Цезаревых легионеров милосердия не сулили.

Преследовать врагов вниз по склону холма было проще простого. Когда многотысячная толпа солдат спасается бегством, никто не остановится драться в одиночку – желание выжить будет гнать их дальше, на деле оборачиваясь гибелью. Убивать их не труднее, чем сшибать спелые лимоны с дерева. Римские легионеры, выучке которых позавидовало бы любое войско, не давали врагам уйти и уничтожали их сотнями – понтийцы валились кто с раной в незащищенной спине, кто с перерезанной коленной жилой. Раненых добивали гладиусом идущие следом. Впрочем, помогала не только римская выучка: на крутом склоне, споткнувшись о пучок травы или отстегнувшийся ремень сандалии, понтийцы падали и уже не поднимались – их затапывали бегущие сзади пельтасты и туреофоры. Паника, заставляющая забыть обо всем, гнала армию Фарнака только вперед.

Резня продолжалась и у подножия. Ромул в ужасе смотрел, как десятки понтийцев падают в воду под натиском своих же товарищей, рвущихся через реку на другой берег. Легионеры, стоя по бедро в воде, топили барахтающиеся тела легким ударом меча, а то и щита и все равно не получали отпора – врагами владела лишь отчаянная паника, и те, кому удалось перейти реку, тысячами устремлялись к вершине противоположного холма, под защиту своих укреплений.

Римляне не мешкали. По ту сторону реки легионеры, руководимые спокойными приказами командиров, сформировали строй и упорядоченным маршем двинулись к понтийскому лагерю. Над бегущим в панике понтийским войском, потерявшим последнюю надежду, повис вопль ужаса.

Ромул обернулся на трубачей, спускающихся от римского лагеря вместе с армией, – какой сигнал протрубят? По большому счету битва окончена... Однако букцины настороженно молчали: пощады не будет.

– Вперед! Вперед! – слышались крики центурионов. – На Понтийский холм! Захватить лагерь!

Ромул с Петронием, по-прежнему охваченные жадой боя, устремились вслед врагам.

* * *

Битва длилась чуть больше четырех часов. Преследуемые до самых ворот лагеря, понтийцы не сумели перестроить войско, и после яростной, но короткой схватки оборонительный вал был взят – ворота лагеря распахнулись перед победителями. Тысячи легионеров устремились внутрь, одержимые жадой убивать. Сам царь Фарнак с горсткой всадников еле успел унести ноги – и то лишь потому, что победившие римляне сначала занялись грабежом лагеря.

Ромул, стоя рядом с Петронием на холме, понимал, что бегство Фарнака ничего не решает: склоны обоих холмов завалены телами убитых и раненых понтийцев, уцелевшие вражеские солдаты захвачены в плен. А солнце, по-прежнему пылающее в небесной синеве, едва-едва добралось до зенита. Как стремительно меняются пристрастия богов! Только что они дарили милостями одних – а теперь весь пантеон осыпает улыбками Цезаря и его армию. Ромул склонил голову в молчаливой молитве. Благодарю тебя, Митра, *Sol Invictus* – Непобедимое Солнце! Хвала Юпитеру и Марсу!

– Ну и утречко выдалось, – бросил Петроний. Его меч, руки и лицо, заляпанные кровью, успели подсохнуть до корки. – Не чаяли и выжить, да?

Ромул только кивнул. Боевое возбуждение схлынуло, голова пылала от боли почти невыносимо, его шатало, как пьяного.

Петронию хватило одного взгляда.

– Обопрись на меня, – озабоченно велел он. – Спустимся к реке, промоем рану. А потом отыщем лазарет, надо показать тебя лекарю.

Ромул благодарно оперся на крепкую руку ветерана. Помощи было ждать неоткуда: в яростной погоне за врагом Цезарево войско смешалось, многие оторвались от своих товарищей и, как Ромул с Петронием, оказались в общей толпе. Сейчас, когда битва завершилась, это ни на что не влияло: вернувшись в лагерь, когорты вновь воссоединятся как положено.

Медленно спустившись с холма, друзья добрались до речушки, заваленной сотнями тел, и отыскивали место выше по течению, где вода была чище. В потоке уже плескались такие же легионеры, с наслаждением смывающие с себя пот, пыль и засохшую кровь. Друзья разделись и забрались в реку – ослабевший Ромул остался на мелководье, и, пока Петроний промывал рану, холодная вода приглушила боль. Однако зрение туманилось, голос друга то пропадал, то вновь появлялся, словно Петроний и не стоял на месте рядом с ним.

– К хирургу бы тебя, да поскорее, – бормотал ветеран, помогая Ромулу выбраться на берег. – А потом уложить тебя выпастся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.